

МАТЕРИАЛЫ ОБНОВЛЕННОГО ИЗДАНИЯ

ИДЕОЛОГИЯ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. КОНТИНЕНТ РОССИЯ

2-е издание, дополненное

Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой

Уважаемые читатели, в этом файле вы найдете материалы, которые не вошли в первое издание книги «Идеология русской государственности. Континент Россия».

Вашему вниманию:

- предисловие авторов
- новая глава 3
- лексикон идеолога

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В процессе написания этой книги мы поняли, что она должна быть адресована *практикам истории* — тем, кто, как и мы сами, стремится сознательно участвовать в её формировании — собственной истории, своей страны и в конечном счёте человечества. А значит, нам не следует уклоняться от соприкосновения со «злойбой дня». Мы не пишем *хронику текущих событий*, как это делают те, кто ждёт оценки этих событий *от других*, чтобы затем послушно ей следовать. Мы анализируем происходящее, чтобы *самим* осмыслить и оценить его.

После выхода в свет первого издания «Идеологии русской государственности» были приняты обширные и существенные по содержанию поправки к Конституции России.

Часто приходится слышать упрёки в «слишком позднем» появлении конституции в России, что и признаётся то ли причиной, то ли симптомом (в зависимости от взглядов говорящего) якобы «недемократичности» и «авторитарности» российской власти. В том же ключе кое-кто оценивает и новую редакцию Конституции, зачастую превращая упрёк в «отставании от развитых стран» в *обвинение*: как вы, русские, смеее так упорно игнорировать *общепринятые каноны демократии*?

Да кто вам сказал, что они общепринятые? И бывает ли в реальной истории что-либо общепринятое?

Вот в этом мы и решили разобраться вместе со своими читателями.

Мы считаем, что для этого принятие новой редакции Конституции России следует внимательно рассмотреть, понять его смысл и определить его место в истории.

По нашему мнению, русский конституционализм является самостоятельной составляющей русской государственности, то есть *культуры построения государства*. Значит, с культурно-исторической точки зрения понятие конституции не может быть выведено исключительно из юридической действительности и не принадлежит ей — лишь форма конституции является юридической. Его действительный, то есть значимый для общественно-политической

практики смысл становится ясен, если трактовать конституцию как **идеологический и проектный акт**.

Именно в таком контексте мы сочли необходимым рассмотреть конституционную теорию и практику — через призму их развития в истории России. Этому посвящён новый раздел книги (раздел III). Работа над ним существенно углубила наше понимание ряда периодов советской истории, особенно роли в ней Н. С. Хрущёва, чему посвящён полностью переработанный параграф II.3.4.1.

Отклики наших читателей, среди которых постоянно повторялся запрос на словарь терминов, специфических для идеологии и идеологического мышления, подтолкнули нас к разработке «Лексикона идеолога», который в настоящем издании добавлен к тексту книги в качестве приложения. Составленный в форме тезауруса, лексикон является самостоятельным понятийно-логическим инструментарием анализа социально-политических явлений.

Параграф, посвящённый политике советской власти в области культуры и образования, дополнен материалом, касающимся отношения государства к проблемам семьи и детства, необходимым для понимания их места в современной России.

И, разумеется, в текст книги внесены необходимые уточнения и исправлены обнаруженные ошибки.

Мы выражаем благодарность всем, кто высказал свои замечания или мнения о нашей книге.

Авторы

Часть III

**КОНСТИТУЦИЯ
В РОССИИ**

Непростые процессы, протекающие сегодня в мире, заставляют нас взглянуть по-новому на многие концепции политической мысли. Ещё недавно они представлялись незыблемыми, едва ли не само собой разумеющимися. Но вот они перестают удовлетворительно объяснять ход событий, от участия в которых нам не уклониться. А вместо их критического анализа и переосмысления мы все чаще слышим от хозяев жизни (политиков, государственных мужей и дам) и властителей дум (учёных авторитетов): Trust me, I am wiseacre! Поэтому осмыслением и переосмыслением важных понятий приходится заняться самим.

Одним из центральных понятий, подпирющих пошатнувшуюся идеологему *демократии*, является конституция. Между тем в нашей собственной стране конституция есть, и она только что претерпела — при посильном участии всех нас — большие изменения. Поэтому нужно разобраться в том, что такое конституция, зачем она нужна и какое отношение она имеет к России, её истории и нашему месту в ней.

III.1. КОНСТИТУЦИЯ — ЧТО ЭТО?

Нет ничего более гибкого и уступчивого, нежели юридические рамки. Их можно указать, но их нельзя перейти.

Стругацкие. Сказка о Тройке

Сейчас принято считать, что каждое государство должно иметь конституцию. По крайней мере все государства, возникшие с XIX века по настоящее время (а это подавляющее большинство ныне существующих государств), конституции имеют. И практически все они получали конституции в момент своего создания, а нередко именно принятие конституции считается этим моментом.

В учебниках и энциклопедиях конституцию определяют как *«основной закон государства, имеющий высшую юридическую силу и определяющий основы его политической и правовой систем»*, иные добавляют *«социальной»* и *«экономической»*.

Вот некоторые из таких определений:

Конституция (от лат. *constitutio* — устройство, установление, сложение) основной закон государства, обладающий высшей юридической силой и устанавливающий основы политической, правовой и экономической систем данной страны²¹².

Конституция — основной закон (лат.) — учредительный закон, основной закон, устанавливающий основные начала государственного устройства данной страны. Обычно название это даётся основным законам тех стран, государственное устройство которых основано на начале народного представительства (см.), а также в странах демократических (республиканских)²¹³.

Constitution, the body of doctrines and practices that form the fundamental organizing principle of a political state. In some cases, such as the United States, the constitution is a specific written document. In others, such as the United Kingdom, it is a collection of documents, statutes, and traditional practices that are generally accepted as governing political matters²¹⁴.

²¹² БСЭ.

²¹³ Брокгауз и Ефрон.

²¹⁴ Britannica.

Constitution (con-sti-tu-tion \.kän(t)-stə-'tū-shən)

a: the basic principles and laws of a nation, state, or social group that determine the powers and duties of the government and guarantee certain rights to the people in it;

b: a written instrument embodying the rules of a political or social organization²¹⁵.

Constitution — Loi fondamentale, ensemble des lois fondamentales qui, dans un pays, règle l'organisation et les rapports des pouvoirs publics et, éventuellement, détermine les principes qui régissent les relations des gouvernants et des gouvernés²¹⁶.

Verfassung, **Konstitution**, Grundgesetz, die Grundordnung einer juristischen Person, besonders die eines Staates. Im Rechtssinn ist die Verfassung eines Staates der Inbegriff der geschriebenen oder ungeschriebenen grundlegenden Rechtssätze über Organisation und Funktionsweise der Staatsgewalt und die Rechtsstellung des Einzelnen²¹⁷.

Некоторые историки усматривают наличие конституций (у государств или квазигосударственных образований) в Средние века и даже в Древнем мире. К примеру, законы Солона, Клисфена и некоторые другие, рассмотренные в «Афинской политике» Аристотелем, они прямо называют «конституциями»²¹⁸.

Есть ли основания для подобных утверждений? Сейчас, когда вопрос о конституции, её изменениях и их значении для государства занял важное место на театре идеологической войны, самое время разобраться с этим.

Итак, конституция определяет «*основы политической, правовой и экономической систем страны*». В таком случае конституция Сомали должна бы гласить, что основу экономической системы страны составляет морское пиратство, что полицейский самостоятельно определяет, в чем состоят права человека, а человек, не согласный с этим, может (если выживет) апеллировать к шариат-

²¹⁵ Webster.

²¹⁶ Larousse.

²¹⁷ Brockhaus.

²¹⁸ *Доватур А. И.* Политика и политики Аристотеля. — М.-Л., 1965. Ср. наиболее авторитетный перевод «Афинской политики» на англ. яз.: Rackham H. Constitution of Athens. L.-Cambridge (MA): Harvard University Press, 1935.

скому суду²¹⁹. Однако в конституции Сомали, принятой в нынешней редакции в 2012 году, ничего такого нет, а есть набор стандартных благоглупостей про парламент, правительство, судебную систему, права человека, выборы и природную среду. Единственное её отличие от десятков ей подобных состоит в том, что она называется «*переходной*», а к каждому из названий государственных институтов добавлено то же определение. Она, конечно, «*имеет высшую юридическую силу*», но только в глазах горстки дипломатов и международных чиновников, поставляющих туда гуманитарную помощь. Если это — конституция, то в каком смысле?

С другой стороны, ещё в начале XVIII века на Багамах существовала Республика Пиратов (так и называлась) со столь же скучным государственным устройством, чья конституция, известная под названием «Пиратский кодекс», исполнялась беспрекословно. И горе было тому Воробью, Флинту или Сильверу, кто дерзал её нарушить, — за ним незамедлительно являлся верховный судья Линч.

Сравнение этих двух конституций позволяет многое понять.

«Пиратский кодекс» выражал сложившийся, общепринятый, *освященный обычаями порядок вещей*, которому в основном следуют добровольно, то есть был *фиксацией обычного права*, такой же, как вавилонские законы Хаммурапи, афинские законы Драконта, древнеримские Законы XII таблиц и т. д. вплоть до английских многотомных *law reports*. К этой же категории в основном относится и британская конституция²²⁰, не случайно вышеприведённое определение из «Британики» включает в её понятие также и *traditional practices*, иногда называемые «конституционными обычаями». Ясно, откуда её «*высшая юридическая сила*».

Современная конституция Сомали — это *декларация намерений*. Принимая её, законодатель (кто бы он ни был) указал, *куда, к какому политическому и правовому состоянию он хотел бы привести страну*. То, что она прямо названа «переходной», только подчеркивает эту

²¹⁹ Следует напомнить читателю, что полиция и шариатский суд — единственные действующие в этой стране «государственные органы».

²²⁰ И, в частности, Великая хартия вольностей (*Magna Charta Libertatum*), которая хотя и была принята под давлением мятежных баронов, но преследовала целью подтверждение *обычаев*, нарушенных королём Иоанном.

её роль. **Но эта роль присуща и всем конституциям. Искусство же государственного деятеля состоит в том, чтобы конституция не оставалась лишь декларацией.**

Как это достигается, мы постараемся разобрать *ab ovo*, то есть начиная с этимологии слова и истории явления.

Все согласны, что слово «конституция» почти во всех языках происходит от латинского глагола *constituo*. В античных и средневековых²²¹ латинских текстах он используется во многих значениях (от 10 до 27 по разным словарям), но авторы энциклопедических определений отталкиваются от разных, чаще всего это: *устраивать, утверждать, устанавливать*. Однако исходным, архетипическим его значением является: *ставить, помещать, водружать, водворять*. Коренная семантика этого действия такова: *чего-то или кого-то тут не было, но вот теперь есть*, с оттенком *непреложности этого факта*. Жертвенного тельца *поместили* на алтарь, теперь священнодействию должно свершиться со всеми *положенными* последствиями. Энея с чадами и домочадцами в Лации отродясь не было, а вот теперь они здесь *водворились*, извольте с этим считаться. Приняли новый закон, высекли его текст на камне и *водрузили* его на форуме — извольте исполнять.

Этот смысловой оттенок **«небывалого ставшего действительным»** был главным (отличавшим от близких по значению слов) и лёг в основу всех более поздних смыслов слова *constituo*: утвердить (акт), учредить (коллегию), устроить, организовать (упорядочить что-либо) и т. д. Естественно ожидать его наличия и в слове «конституция».

Насколько можно судить, термин «конституция» в специфическом значении учредительного документа организованного сообщества впервые стал употребляться вольными каменщиками. Им обозначалась грамота, определяющая основные правила деятельности конкретного масонского братства (определённого устава, национальной или территориальной ветви). Возможно, в этом проявилось стремление масонов избегать общеупотребительных терминов²²², чтобы подчеркнуть: они — другие. Отцы-основатели США свой первый

²²¹ То есть во времена, когда латынью пользовались как **живым** языком.

²²² Для учредительных документов разных организаций — религиозных орденов, монастырей, гильдий, компаний и др. — тогда употреблялись термины «хартия,

документ²²³ называли всё-таки хартией, хотя среди них было немало масонов. Теперь уже не узнать, кто первый предложил использовать этот термин для обозначения документа, учреждающего новое государство или его новую политическую форму. Но первой конституцией государства в современном смысле этого слова и по названию стала Конституция США, принятая в 1787 году специально для этого созванным Филадельфийским конвентом. А путёвку в жизнь термину дала Французская революция, так как начиная с Конституции Франции 1791 года он стал общеупотребительным.

И с тех пор понятие конституции неразрывно связано с *перемнами*, причём с такими, которые *уже в принципе свершились*, перестали быть просто замыслом, *но ещё подлежали окончательному утверждению*. То есть как всякое действительно *историческое* событие означали завершение одного процесса (освободительной войны, революции, реформы) и в то же время начало другого (государственного строительства, утверждения и налаживания нового порядка).

Выражаясь метафорически, конституции стали как бы вехами, отмечающими *поступь истории* конкретного государства и его народа. В таком *метафорическом* понимании можно назвать «конституциями» законы Солона и Клисфена, действительно реформировавших организацию общественной жизни в Аттике и изменивших некоторые государственные институты. Но не более того.

Рассмотрев обстоятельства принятия более 200 конституций Нового Времени (см. ниже), мы убедились в том, что каждая из них предвосхищала *будущее* состояние общества и, более того, *предписывала, каким ему надлежит стать*. Это в равной мере относится и к учредительным актам возникающих государств, и к плодам революций, и к конституциям, принятым, казалось бы, в спокойные времена.

Так что *конституция — это проект государства, подлежащий последовательной реализации*.

Проект — это схваченное в мышлении и воплощённое в знаке устройство какого-либо *искусственного*, создаваемого человеком

грамота» (лат. *charta*, фр. *charte*, англ. *charter*) или «статут, устав» (лат. *statutum*, фр. *statut*, англ. *statute*).

²²³ Договор о союзе между 13 американскими штатами, принятый 2-м Континентальным конгрессом в 1777 году — первый конституционный документ США, ныне более известный как «Статьи конфедерации».

объекта, в данном случае — государства как социального объекта. Конкретно же каждая конституция в момент своего принятия — это совокупность норм, определяющих будущее политическое устройство государства. Эта-то *нормативность* и создаёт обманчивое впечатление юридического акта, «закона», которым конституция отнюдь не является. Потому что политическое устройство создаётся не законами, а властью и требует добровольного следования её воле (см. V.4). Законы же всего лишь придают должную форму поведению людей в рамках данного политического устройства, которое их и создаёт. Именно поэтому конституцию практически никогда не принимают *законодатели*: это делает персона власти (индивидуальная или коллективная), особая, специально для этого созданная ассамблея или, наконец, сам народ. В двух последних случаях смысл широкого участия народа в принятии конституции (как, впрочем, и любого голосования) — это как раз **декларация его готовности следовать воле власти, в этой конституции изъявленной**. В этом смысле такое **голосование равносильно присяге** на верность устанавливаемому государственному порядку. Только после этого к своему делу может приступить законодатель.

Общая же последовательность событий всегда такова:

Неготовность народа следовать воле власти обнаруживает несостоятельность предложенного проекта, а точнее — указывает на то, что это был вовсе не проект, а то, что мы называем «прожектом»: *действием, основанным не на знании, а на предположении*. Это нередко случалось с «высочайше дарованными» (*октроированными*) конституциями. Так было, например, в Австро-Венгрии, когда *Октябрьский диплом*, изданный Францем-Иосифом 20.10.1860 года, просуществовал всего четыре месяца и был заменен 26.02.1861 года *Февральским патентом*, который 21.12.1867 года был заменен *Декабрьской конституцией*, действовавшей уже до распада империи.

Тут мы сталкиваемся с главной проблемой любого *искусственного* воздействия на социальную систему: «*Оно является... принадлежа-*

щим социальной системе потенциальным источником ее самоуничтожения. Любая познавательная ошибка, необоснованно принятое проектное решение или чья-то злая воля способны нарушить устойчивость социальной системы. <...> Вставшая на путь проектного существования социальная система имеет лишь одну возможность самосохранения и саморазвития — всемерное совершенствование своих познавательных средств»²²⁴. Достоверность знания о своей стране и своём народе, которым располагает персона власти, является, таким образом, главным условием успеха любого конституционного начинания.

Всё это остается не замеченным теми, кто видит лишь юридическую оболочку конституций, а это практически все, кто до сих пор занимался их исследованием. Так что к соотношению конституции и права нам ещё придётся вернуться.

²²⁴ Генисаретский О. И., Щедровицкий Г. П. Деятельность проектирования и социальная система // Теоретические и методологические исследования в дизайне. Избранные материалы. — М., 2004.

III.2. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПАНОПТИКУМ

Ещё одно массовое заблуждение состоит в том, что конституция якобы *ограничивает персону власти* в возможностях её применения.

Рассмотрев большинство конституционных инициатив Нового Времени, мы можем систематизировать их с точки зрения того, какие именно процессы вызвали их к жизни и каковы были связанные с ними персоны власти. Система эта представлена в нижеприведенной таблице, где отмечены, конечно, только наиболее известные и типичные примеры.

Первые конституции были созданы *ниспровергателями старых режимов*: лидерами освободительных движений (в Испанских Нидерландах и американских колониях Великобритании) и революций в Англии и Франции. А именно аристократическими и городскими олигархическими группировками. Их неподчинение власти монарха первоначально оставалось в русле феодальных традиций, сводясь к отстаиванию освящённых обычаем вольностей и привилегий (см. выше о Великой хартии вольностей). То есть, действительно, к *ограничению власти монарха обычаем*, иначе говоря — к сохранению status quo, а не к переменам.

Путь от мятежа элит к народному возмущению быстрее всего был пройден там, где монарх был *чужеземным*, то есть «выжимал соки» ради решения задач, далёких от нужд местного населения, и вообще не был связан местным обычаем (см. V.1). Поэтому и в Нидерландах, и в колониях его логическое завершение не замедлило себя ждать, выразившись в парных конституционных актах: Акте клятвенного отречения²²⁵ с Утрехтской унией (1579–1581) и Декларации независимости со Статьями конфедерации (1776–1777), один из которых декларировал выход из-под суверенитета прежнего монарха, а другой закладывал основы новой государственности — Республики Соединённых провинций и Соединённых Штатов Америки соответственно. Это было не *ограничение власти* монарха, а *отказ ему во власти*, упразднение прежней власти и учреждение новой. Хотя сам монарх никуда не девался, оставаясь там же, где был, — «за горами-долами, за морями-акиянами».

²²⁵ *Verlating* (нидерл.) — отказ следовать присяге.

Генезис конституций нового времени

Способ → Персона ↓	А		Б		В		Г	
	Учреждение без предшественников*		Учреждение с предшественниками (интеграция/декомпозиция)		Жёсткая трансформация (революции)		Мягкая трансформация (реформы)	
1	Ниспровергатели	США Деколониализация XIX–XX вв.	Нидерланды		Англия, Франция, РСФСР (1918 г.)			
2	Основатели	Либерия, Израиль	Италия, Германия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, СССР Швейцарская Конфедерация, Конфедеративные Штаты Америки, Польша после Первой мировой войны					
3	Суверен	Царство Польское 1815 г.	Суверенизация доминионов** Деколониализация XX в.		Япония (Мэйджи) «Наполеоновская Европа»		Австро-Венгрия, Российская Империя Ливийская Джамахирия	
4	Реформаторы		Австрия, Венгрия, Чехословакия после Первой мировой войны Восточная Европа после Второй мировой войны Страны бывшего СССР Страны бывшей СФРЮ		США (13–15 поправки***) Восточная Европа 1980-х гг.		Российская Федерация	

* То есть общностей, обладающих признаками государственности.

** Здесь подразумеваются не только доминионы Британской империи, но и любые зависимые (вассальные) государственные образования, например Сербское и Болгарское княжества в Османской империи.

*** Подводящие итоги Гражданской войны.

По сути то же происходило в Англии и Франции, но упразднить власть монарха, находящегося здесь и сейчас, оказалось сложнее — пришлось осудить его и казнить, а этого в обычае не было!

Для Англии, где всё — от манер поведения до государственного устройства — было основано на обычае, это было непросто. Судить короля — это было ещё приемлемо: знать и до того восставала против бессудных кар (в отношении самих себя). А раз уж были суд и приговор — что поделаешь... Но самое сложное было потом: следовало учредить новое правление, обычаем не предусмотренное. И парламент, предварительно очищенный (уже безо всякого суда) от потенциальных противников²²⁶ такого решения и лишившийся палаты лордов, в 1649 году **упразднил английскую монархию и объявил Английское Содружество парламентской республикой**. Но никак не конкретизировал, как будет осуществляться такое правление, а лишь создал как бы *прецедент*. И началась эпоха «ручного управления» с взаимоисключающими парламентскими решениями, назначениями и отставками должностных лиц и т. п. Наконец в 1653 году члены этого «Долгого Парламента», не переизбиравшиеся 13 лет, решили сделать свой статус пожизненным и были разогнаны Кромвелем, чей авторитет к тому времени стал непререкаемым. Кромвель понял, что без конституции не обойтись, провёл-таки выборы в парламент²²⁷, который и принял единственную в своем роде **первую и последнюю письменную конституцию Содружества Англии, Шотландии и Ирландии**²²⁸: *The Instrument of Government* («Орудие правления» — очень точное определение с нашей точки зрения²²⁹).

²²⁶ Которых, между прочим, было большинство — 150 из 250 членов Палаты общин!

²²⁷ Существенно более представительный, чем все прежние (из 400 членов против обычных 250 членов Палаты общин и 100 — «Долгого Парламента»), так что его можно даже считать «конституционной ассамблеей».

²²⁸ До этого связанных лишь династической унией, утратившей всякий смысл без монархии.

²²⁹ Название позаимствовано от документа (швед. *Regeringsform*), составленного в 1634 году канцлером Швеции Акселем Оксеншерной, когда он стал регентом при малолетней королеве Кристине после гибели Густава Адольфа Великого. Этот документ в жанре «кондиций» (см. ниже) никогда никем не утверждался, но долго употреблялся наравне с законами и обычаями.

Но в конечном счёте обычай одержал верх. Весь этот «конституционный порядок» держался на личной власти Кромвеля и не пережил его. Вначале королевский сан был предложен самому Кромвелю (который с негодованием его отверг — за что, мол, боролись), но после его смерти конституция была отменена, а монархия — восстановлена.

Республиканский *проект* для Англии не состоялся. Для него не нашлось идеологов, которые смогли бы его снабдить знанием, обеспечившим его будущее. Гоббс был роялистом, создавшим своевременную идеологию монархического государства. Протекторат Кромвеля, привлекший было его на свою сторону, был агонией республики. В результате идеология Гоббса оказалась востребована деятелями контрреволюции, обессмертившими его имя.

После недолгой реставрации Стюартов, к концу всё больше напомилавшей старый режим, был достигнут общественный консенсус по поводу равновесия между обычаем и новым порядком. Он свёлся к единственному важному для состояния нации акту: *Биллю о правах* (Bill of Rights). Он был принят так называемым *Конвентом*, образованным из Лорд-мэра Лондона, членов Палаты лордов, восстановленной при реставрации, а также оставшихся в наличии членов Палаты общин **двух созывов**, состоявшихся при Карле II²³⁰, в общем — из всех, кто хоть кого-то представлял. Это собрание парламентом не было, никаких законов принимать не могло и было создано исключительно для того, чтобы выработать **условия, на которых какой бы то ни было кандидат мог бы занять королевский престол.**

Это чрезвычайно важное обстоятельство, к которому нам ещё предстоит вернуться.

Именно эти условия и определял документ, названный впоследствии Биллем о правах. В точности он назывался *An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject and Settling the Succession of the Crown* и был адресован не «любому», а совершенно конкретному кандидату — Вильгельму Оранскому, штатгальтеру Нидерландов и зятю Якова II, призванному вместе с его экспедиционным корпусом для наведения в стране порядка. Акт был составлен по согласованию с ним и сводился к двум основным требованиям: кандидат должен

²³⁰ Предпоследнем короле из Стюартов, последний — Яков II — парламент распустил, и до конца его правления он не созывался.

был соблюдать освящённые обычаем права и вольности определённых слоёв общества и быть протестантом.

Вильгельм, участвовавший в составлении документа, заранее знал, что готов с ним согласиться, согласился, и был провозглашён королём.

Но в исторической судьбе документа важную роль сыграли два обстоятельства:

- он был сформулирован как **публичная оферта**, чтобы **выглядеть** применимым к **любому** кандидату на престол;
- некоторые из «прав и вольностей, освящённых обычаем» вытекали из «новых» обычаев, сложившихся за последние полвека смуты, поэтому их для вящей определённости в документе **перечислили**. Тем более что кандидат, будучи иностранцем, знать английские обычаи был не обязан. Перечислили не все, а только те, которые благодаря новизне ещё не были у всех на слуху, хотя кандидат, соглашаясь стать королём, обязался соблюдать их **все** независимо от давности обычая.

В результате документ оказался одновременно **универсальным** в отношении субъектов, к которым мог быть применён, и **конкретным** по содержанию. Это позволило ближайшему должным образом созванному парламенту **легализовать** его, признав равным по силе закону. Хотя он никаких новых правил не устанавливал, а лишь оглашал уже признанные, для сведения тех, кого это касается.

Добрый король Вилли был умным человеком и тёртым политиком, натренированным в хитросплетениях как сложной внутренней политики федеративных Нидерландов, так и в общеевропейском контексте противостояния католицизма и протестантизма. Он остался в благодарной памяти британцев не как установитель *нового* режима, а как благодетель нации, водворитель мира и порядка, восстановивший *старую добрую Англию* в её изначальном достоинстве. Бездетный, он озаботился приисканием преемников и в последний год жизни добился принятия Акта о престолонаследии (*Act of Settlement*), предложившего Британии новую/старую династию: твёрдых протестантов, но в то же время потомков Стюартов (по женской линии) — ганноверских курфюрстов. Она благополучно правит страной и по сей день.

Резюмируя всю эту непростую последовательность исторических событий, мы вынуждены назвать всё своими именами.

1) Пуритане, *круглоголовые* и *железнодорожники*, во главе с Кромвелем совершили революцию: упразднили в Англии монархию и учредили республику, ознаменовав это принятием соответствующей конституции.

2) Элиты (знать и городская верхушка) при полном непротивлении народа этим остались недовольны, конституцию отменили, упразднили республику, восстановили монархию и пригласили признанного специалиста (короля Вилли) для наведения порядка.

3) Специалист им всю эту контрреволюцию (названную впоследствии «Славной революцией») *lege artis* оформил, подобрал «правильную» династию, завещав и впредь жить по обычаям.

Так что революция осталась в прошлом, а нация продолжила жить **без конституции**, нимало в ней не нуждаясь. Впоследствии, когда иметь конституцию стало приличным, многоумные Блэкстоны, Бэд-жеты и иже с ними собрали все вышеперечисленные акты (и кое-что ещё), приправив их «конституционными обычаями», и назвали всё это «английской некодифицированной конституцией». Но, признав наличие конституции, понадобилось объяснить, что же она *конституирует*. Тут и пригодилась вышеприведённая трактовка договора как закона. Которая означает не что **стороны договорились** употреблять власть в пределах, определённых обычаем, а что эти пределы персоне власти **установлены законом**.

Так что главный источник мнения, что *конституция является средством ограничения власти*, — это умозрительная попытка **обнаружить конституцию там, где её нет!**

И этот случай, похоже, единственный. Мы не намерены отрицать роль Англии в истории конституционализма — выше мы её отметили. Но эта роль была сыграна с начала до конца, и никто — ни власть, ни народ — к этой постановке больше не вернулся. И в сегодняшней Великобритании монарх пользуется, по сути, **неограниченной властью**, хотя, согласно обычаю, прибегает к ней лишь в случае крайней необходимости.

Нужно подчеркнуть, что обычно употребляемое определение «некодифицированные конституции» является эвфемизмом, поскольку

используется и для британской «конституции», и для «составных» конституций, просто включающих несколько актов различного содержания (обычно одновременных). Ярким примером последних является конституция Израиля, отдельные части которой принимались и будут приниматься по мере надобности, то есть по мере того, как конструкция соответствующих частей государственного организма обретает желательную форму. Нельзя не согласиться с разумностью такого *экспериментального* подхода при создании с нуля государства, не опирающегося ни на какую традицию, кроме Священного Писания.

Тем не менее **конституционность** (то есть проектность и зачатность) всех актов в составе таких конституций не вызывает сомнений — каждый из них обозначает начало новой конфигурации властных отношений в государстве, а значит, нового этапа в его истории. Точно такую же роль играют **поправки**, вносимые в более привычные нам «кодифицированные» конституции, существующие в виде единого акта. Так устроены даже имеющие непосредственно британское происхождение конституции Канады и Новой Зеландии, в основании каждой из которых лежат акты, учреждающие конкретную форму правления для соответствующей общности.

Итак, каждый значимый новый этап в истории любого государства начинается с принятия конституции в целостном виде, внесения поправок в существующую конституцию или принятия нового акта — части составной конституции.

Что именно из этого происходит в каждом конкретном случае, определяется прежде всего намерениями персоны власти, а также политическими и культурными традициями общности.

Понятно, что конституцию практически всегда принимают при учреждении нового государственного образования (столбцы А и Б в таблице). Этот акт, помимо своей основной роли, всегда имеет символическое значение, отмечая **Начало** — начало **собственной** истории.

Бывает, что государство возникает в результате объединения (добровольного или вынужденного) нескольких государств²³¹ или квазигосударственных образований²³² (столбец Б в таблице). В таких

²³¹ Как Италия или Германия.

²³² Как семь провинций Нидерландов или кантоны Швейцарии.

случаях по большей части заключался союзный договор, чаще всего и становившийся конституцией нового государства или основной её частью. Как правило, такое государство получает федеративное устройство, которое с большим или меньшим упорством стремится сохранить. Такой была конституция Германской империи, непосредственно созданная из конституции Северогерманского союза и основанная на союзном договоре.

Хотя, например, Итальянское королевство на волне революционного движения создавалось как унитарное государство с изгнанием «чужеземных» правителей, упразднением их государств и присоединением их территорий к Сардинскому королевству, чья конституция (*Альбертинский статут* 1848 года) и стала первой конституцией объединённой Италии. А объединение частей Польши, бывших провинциями трёх распавшихся империй, после Первой мировой войны воспринималось действующими лицами как восстановление прежней целостности²³³.

О конституциях, непосредственно обязанных своим появлением революционным процессам, выше было сказано достаточно. Но нельзя обойти вниманием такое явление, как «экспорт революции». При этом ни в коей мере нельзя руководствоваться таким примитивным его пониманием, которым пользовались советологи прошлого века: революцию несут-де на своих штыках армии агрессора.

Первый опыт такого рода был предпринят Наполеоном. При этом он и его дипломаты искусно пользовались волной революционных настроений, распространившихся по Европе, когда весть о победе революции во Франции упала на общественную почву, удобренную идеями Просвещения. В духе времени её восприняли (буквально) как эксперимент, подтвердивший, по всем канонам тогдашней науки, истинность её представлений о разумном (то есть *правильном*) устройстве общества. Так что инициаторы революций во многих государствах Европы были вполне подготовлены и *вооружены идеологически*. Иного оружия им и не понадобилось, достаточно было *готовности* революционной Франции поддержать их. Но она, ко-

²³³ Образовавшееся государство так и назвали: *II Rzeczpospolita* — *Республика (Речь Посполита* — *перев. с лат. Res publica), дубль два.*

нечно, приходила, поддерживала, и в каких-то странах эта поддержка склоняла чашу весов в нужную сторону.

Конечно, *старые режимы* видели в новых государствах сателлитов Франции. Это отразилось даже в терминологии, сохраняющейся до сих пор: во французской исторической науке их называют *République sœur* — «Республики-сёстры», а в остальных европейских странах — «дочерние» или даже «вассальные» республики, согласно тому пониманию духа событий, которое сложилось по свежим их следам.

Безусловно, не все *новые государства* были республиками в узком смысле слова, во многих сохранилось монархическое правление, особенно в СРИГН, где правящие дома с Наполеоном вступили в союз (как Бавария и Баден) или просто нашли общий язык. Но **все получили конституции** (новые, если таковые уже были). И во всех просматривался некий **общий канон**. Не следует думать, что они были списаны с французской: народное представительство при их составлении и принятии вовсе не было декоративным, как полагают некоторые историки. Но все они предусматривали разделение властей, светский характер власти, выборные законодательные органы и — важная деталь — **унитарный** характер государства. Тут к Монтескьё прибавляется Гоббс с его ясным пониманием необходимости централизации власти. Уместно думать, что и личные представления о власти Наполеона (принцип единоначалия) также имели значение. Он упорно пытался из Соединённых провинций сделать Батавскую республику и Гельветическую республику — из Швейцарской Конфедерации. Но вот это-то ему и не удалось, пришлось отступить самому, к чему нам придётся ещё вернуться.

Но в целом «конституционный канон Гоббса — Монтескьё», как мы вправе его назвать, оказался жизнеспособен. Хотя большинство конституций наполеоновской эпохи не пережило Венского конгресса (что было, скорее, форс-мажором), **все они дали плоды** на следующих этапах развития тех из государств, которые сохранились, и их разнообразных преемников.

И это возвращает нас к мысли о проектном характере конституций. Потому что наполеоновский проект послереволюционной Европы не сразу, но состоялся, в отличие от его же проекта Французской империи. Ближайшими доказательствами чему стали Германская империя и Итальянское королевство. Сопоставление же *проекта*

и его *результатов* указывает на то, что проект состоялся ровно настолько, насколько адекватным реальности было социальное знание, на котором он был основан, то есть его *идеология*. И это позволяет сделать важнейший вывод: **конституция — это акт не правовой, а идеологический**²³⁴. **Что никак не удаётся усмотреть через призму существующих теорий государства и права.** Пока идеология, заложённая в конституцию — проект государства, выдерживает испытание практикой, то есть сохраняет свои научные основания, государство живёт и развивается. Несостоятельность идеологии влечёт крушение государства. **А изменение идеологии требует изменения способа существования государства** (в том числе и его устройства, хотя это и необязательно), **а значит, и его конституции.**

²³⁴ Заметим на полях, что в самом очищенном и явном виде этот принцип нашёл воплощение лишь в «Зелёной книге» — проекте Ливийской Джамахирии, составленном Муаммаром Каддафи, который «теоретики» почти не готовы признавать конституцией ввиду *полного отсутствия в ней норм права.*

III.3. КОНСТИТУЦИИ ДО КОНСТИТУЦИЙ — ЭТЮД О НЕБЫВАЛЬЩИНЕ

В исторических трудах встречаются порой удивительные утверждения. Всем известно, что Россия — родина слонов. Но вот уважаемый профессор А. Янов утверждает, что Россия — родина конституционализма:

«Салтыков предложил новость — не только в русской, но и в европейской истории: по сути, полноформатную Конституцию. В начале XVII века! Пройдут столетия, прежде чем идея конституционной монархии овладеет умами европейских мыслителей. Откуда она взялась в периферийной, отсталой и главное, неевропейской, если верить консенсусу, Москве?»²³⁵

О чём это он? Оказывается, о выдвинутых Семибоярщиной *условиях*, на которых Владиславу Вазе (сыну польско-шведского короля Сигизмунда III) было предложено занять российский престол. В другом месте²³⁶ он примерно так же, хотя и с меньшим восторгом (всё-таки XVIII век на дворе) квалифицирует «кондиции» — *условия*, выдвинутые Верховным тайным советом, на которых на российский престол приглашалась герцогиня Курляндская (Анна Иоанновна). Между тем *кондиции* (будем дальше пользоваться этим термином) — это почтенный и общепринятый в Европе политический жанр²³⁷: когда призывают на престол *иноземную* венценосную

²³⁵ Янов А. Л. Россия и Европа. В трёх книгах. Книга 1. Европейское столетие России. 1480–1560. — М., 2007.

²³⁶ Там же, книга 2.

²³⁷ В Европе, где царствующие династии постоянно делились и почковались, он был востребован, *но не в России*. Хотя *известен* в России он был прекрасно — и Иван Грозный, и его сын Фёдор участвовали в выборах короля Польши 1573 и 1587 годов соответственно. Но *не применялся*, так как иноземных властителей в Россию на царство не приглашали. Не было в нашем государстве места, куда их можно было бы «привить» (см. V.4.5). И как показала история самозванцев, даже маскировка пришельца под якобы «природного царя» делу не помогла. Так что этот жест мог означать лишь одно — приглашение завоевателя, что и впоследствии произошло.

особу, то обычно формулируют условия. Главным из них всегда является соблюдение местных обычаев (которые *иноземец* вправе не знать). А для надзора за соблюдением условий образуется комиссия из местной знати (регентский совет, Семибоярщина, Верховный тайный совет, Боярская дума и т. п.). Так поступали множество раз при смене династий. Кондиции польская знать выдвигала **всем избранным** монархам: Иоганну Люксембургскому, Генриху Валуа, Стефану Баторио, Вазам и пр.

Бывало и так, что кондиции выставляли даже собственным природным монархам. Так венгры поступили с королём Андрашем II Крестоносцем ввиду того, что за время похода он утратил связь с родиной и «онемечился».

Ничего не напоминает? Конечно, *Билль о правах!* Тов. Янов это сходство тоже усмотрел, но сделал противоположные выводы — **принял кондиции за конституцию**. И это, конечно, не «случайная ошибка», а **презумпция**: раз Билль о правах уже сочли конституционным актом, значит и это — конституция. И вообще, *конституция должна быть*. Потому что, как считают многие, она является средством ограничения власти. А власть следует ограничивать — ведь это *прилично, цивилизованно*.

За этими утверждениями скрывается полное непонимание природы власти. Потому что **власть всегда ограничена**, если это не власть всемогущего Бога. Она ограничена суммой отношений, в которых властители повелевают, а подвластные добровольно подчиняются. Причем **власть ограничивает себя сама** ровно настолько, насколько она **знает**, в чём эти отношения состоят. В точности как *Маленький принц* Сент-Экзюпери, точно знающий, когда следует повелеть солнцу взойти. То есть власть — это также *непротивление сторон*, поэтому может, в частности, основываться и на «договоре», хотя тут его природа состоит лишь в том, что стороны **осведомляют** друг друга о характере своих отношений, обмениваясь необходимым знанием. Что может быть сделано и другими способами, а также может и не понадобиться, если нужное знание общеизвестно, например сохраняется в обычае.

Уместно рассмотреть это подробнее на примере истории человека, давно уже провозглашённого «предтечей русского конституционализма, парламентаризма, демократизма и прочая, прочая, прочая» —

Андрея Михайловича Курбского²³⁸. Его называют «борцом за свободу» и даже «первым русским диссидентом», что вполне ясно сообщает нам, какие общественные группы эксплуатируют такой его образ. Сегодня он, несомненно, превратился в идеологическое клише, используемое для антигосударственной пропаганды.

Полезно разобраться, каков был на деле князь Курбский и почему его память получила такое употребление.

«Князь Курбский от царского гнева бежал»²³⁹... чтоб Крупским²⁴⁰ прослыть меж поляков.

К началу XIX века жизнь князя-изменника представляла лишь *антикварный* интерес²⁴¹. Его превращением в историческую личность мы всецело обязаны Н. М. Карамзину, который использовал заочную полемику Ивана Грозного с Курбским как *инструмент продвижения собственных взглядов* на роль дворянства в российском государстве (см. II.2.1.2). То есть, выступая в качестве *идеолога дворянства*, Карамзин подчеркнул *идеологическую составляющую* (довольно скудную) взглядов Курбского и по-своему её интерпретировал.

Для этого ему понадобилось возвеличить Курбского и создать на основе его оценок образ Грозного, в одночасье «обуянного безумием» и превратившегося в «необузданного и кровожадного деспота». Хотя *необузданным деспотом* был как раз Курбский, что стало ясно всему свету, когда он переселился в Литву²⁴², но было, конечно, свойственно ему

²³⁸ Князь А. М. Курбский (1528–1583) — воевода, политик, писатель и переводчик, приближённый Ивана Грозного, бежавший в 1564 году в Литву. Известен своей последующей перепиской с царём, автор «Истории князя великого Московского о делах, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашими» (далее будем ссылаться на неё как на «Историю»).

²³⁹ Из стихотворения графа А. К. Толстого «Василий Шибанов» (1840).

²⁴⁰ И это не просто намёк на популярный советский анекдот, а *исторический факт*: в Литве Курбский пользовался известной на Западной Руси шляхетской фамилией Крупский (*Krupski*) герба Леварт. Возможно, это было попыткой избежать очевидного для славянского уха созвучия *Kurb-* > *Kurv-*, с оскорбительным подтекстом (польск. *kurwa* — «шлюха», *Kup[b/v]ский* = «шлюхин ублюдок», бастард).

²⁴¹ В тогдашнем смысле этого слова: была известна лишь немногим любителям древностей.

²⁴² Устрялов Н. О жизни и сочинениях князя Курбского // Сказания князя Курбского. — СПб., 1868. С. XVII–XXV.

и прежде, хотя оставалось *шито-крыто*. В своих сочинениях Курбский отстаивал как раз своё — и всех бояр-вотчинников — право на **ничем не ограниченные своеволие, необузданность и деспотизм**, освящённые, в его глазах, обычаем. А намерение царя всех их **обуздать** рассматривал как попытку их «*пожаловать в звание холопов государевых*».

И ещё один «обычай старины» горячо отстаивал Курбский: свободу бояр *отъехать в чужую землю*, то есть **перейти на службу к иному государю** (что он сам и сделал). Хотя в глазах не только русского царя, но и значительной части знати (даже на Западной Руси) такое поведение уже воспринималось как *предательство земли русской*, а значит как преступление. В своих письмах, номинально адресованных Иоанну, но достаточно широко расходившихся в списках по обе стороны границы²⁴³, Курбский **о-правдывает**²⁴⁴ свой отъезд не столько *особыми своими* обстоятельствами, сколько тем, что **любой** боярин в *любых* обстоятельствах по собственной воле вправе был так поступить.

Курбскому вольно было видеть во всём этом **обычай**, и такой обычай в прежней, догосударственной Руси действительно существовал. **Обычай предательства** — предавали всех: родичей, союзников; подданные — правителей, правители — подданных. Но этот обычай не просто **отжил своё**, он был **изжит** — и дорогой ценой. *Божественная педагогика*, которую на Востоке именуют *кармой*, предоставила русским неумолимого учителя: Чингис и его потомки не только показали им, какого могущества может достичь народ, не допускающий предательства, но и карали железной рукой любые его проявления **на всех подвластных им землях**, как того требовала *Яса*²⁴⁵. И только **изжив** обычай предательства в своей среде, русские смогли **стать нацией** — выйти из состава монгольского государства и создать собственное (см. II.0.4).

Так что Курбский в обоих случаях **отрицал свою** (и боярства в целом) **причастность к русскому государству** и настаивал на своей

²⁴³ Курбский сам это подчёркивает, и написание так называемого *пространного* ответа Грозному мотивирует тем, что его предыдущая *краткая* версия распостранилась в Литве и Польше, но не в России.

²⁴⁴ То есть буквально доказывает его соответствие **правде** (праву, обычаю).

²⁴⁵ Свод обычного права у монголов.

свободе от него. *Русское государство уже было* (со времён Ивана Великого, как мы помним), но *Крупский его не заметил* и сводил всё к своим *личным отношениям* — не с *царём*, олицетворяющим это государство, а с *Иваном Васильевичем Московским*, таким же, по сути, как он сам, вотчинным владельцем. Да, могущественным владельцем, но не *строющим государство*, а просто расширяющим свои владения с использованием доступных средств, в том числе содействия (*не службы!*) других владельцев — князей и бояр. А *содействует* кому-либо любой человек не по *долгу*, а по собственной *воле*: хочу — помогаю, а хочу — нет. В этом суть отстаиваемой Курбским *воли* — в другом смысле этого слова, как неограниченной свободы, *вольницы*. В этом и состояло единственное *идеологическое* содержание сочинений Курбского. А Грозного ему удобно было представить *Ужасным*²⁴⁶, чтобы объяснить, почему помогать ему больше не хочется.

Карамзин не мог этого не понимать — об этом за полвека до него со всей определённостью написал В. Н. Татищев. Но Карамзин решал свою задачу: идеолог «вольности дворянской», он стремился обесценить само понятие *службы*. Для этого рассуждения Курбского, отождествлявшего *службу с холопством*, как нельзя более подходили.

Обращаясь к своим современникам-дворянам, среди которых потомки старого боярства выделялись лишь гербами и родословными, полностью интегрировавшись социально, Карамзин мог быть уверен, что обстоятельства противостояния боярской верхушки Ивану Грозному эти современники легко примут на свой счёт²⁴⁷. Современники вспоминали, какое потрясение умов вызвал IX том «Истории государства Российского», посвящённый этой эпохе.

В решении своей задачи Карамзин блестяще преуспел, но последствия этого вышли далеко за её рамки. И дело не только в том, что тиранический образ Ивана Грозного был усвоен общественным

²⁴⁶ Именно так слово «грозный» переводится на литовский (*baisus*), тогда как в польском языке, латыни (языке тогдашней дипломатии, которым Курбский владел), французском и английском для этого есть другие слова. И как раз с подачи Курбского это определение (*terribilis, le Terrible, the Terrible*) было прилеплено Ивану Васильевичу на Западе.

²⁴⁷ Тем более что Карамзину, вероятно, не было понятно, что Грозный в этом противостоянии опирался именно на *дворянство* и приказную бюрократию, также формировавшуюся преимущественно из его среды (см. ниже).

сознанием на столетие вперёд²⁴⁸, внося свой вклад в формирование антигосударственных настроений в российском обществе. Сделав «Историю» Курбского главным источником по истории царствования Грозного, Карамзин оставил российской исторической мысли тяжёлое наследие, не до конца изжитое и поныне. Мы остановимся лишь на немногих тесно связанных его аспектах.

Вышеупомянутое понимание Курбским отношений боярства с Иваном Грозным как *сотрудничества с Великим князем Московским*, а не *службы царю* — это причина главной, многократно повторенной претензии князя к Грозному: упрёка в том, что тот *отверг добрых советчиков и приблизил дурных*.

Здесь ключевое слово — «советчик²⁴⁹». Мы-де помогаем тебе решать твои задачи, причём небезуспешно. Это значит, что мы знаем своё дело и вообще *как жизнь устроена*. Воспользуйся нашим *знанием*, и будет тебе счастье. Великолепное в своей практичности суждение практического разума. И действенное — пока не перейдены границы его применимости. Его обоснованию посвящена большая часть писем Курбского царю. И он нигде не выходит за рамки такого понимания.

Но что, если царю нужно решать *другие задачи* — сегодняшнего времени, не укладывающиеся в рамки обычаев и выходящие за рамки бесспорной компетенции *этих* советчиков? Задачи строительства государства, которого они в упор *не замечают*, а значит и *понятия* о них не имеют. Тогда, наверное, понадобятся другие советчики. Но этой возможности Курбский, не понимая природы таких задач, не

²⁴⁸ Достаточно вспомнить *самого идеологического* литератора середины XIX века — графа А. К. Толстого, оставившего яркую галерею образов «жертв царского произвола» (уже упоминавшегося Василия Шибанова, самого Курбского, князя Михайлы Репнина и др.) и яркую картину царствования, *строго по Карамзину* (роман «Князь Серебряный»). Пушкин, с его тонким историческим чутьем, не принял экзерсисов Карамзина, но его суждения об этом стали известны публике много позже — и слишком поздно.

²⁴⁹ Может быть, уместно пояснить различие семантики слов «советчик» и «советник». *Советчик* даёт советы *ad hoc*, когда к нему обращаются за этим, а также по собственной инициативе. *Советник* даёт советы *ex officio* (по обязанности) в ситуациях, обусловленных правилами, в том числе в качестве члена *совета* — специально созданной коллегии таких лиц, но никак не по собственной инициативе. Курбский всегда имеет в виду *советчиков*, то есть лиц, не связанных обязательствами и свободных в своём усмотрении.

допускает. И подставляет на место *государственной необходимости* хорошо ему знакомые мотивы придворных интриг: корысть, зависть, личное соперничество. Которые, конечно же, имели место, но в его глазах заслоняли все другие. Так рождается противопоставление *добрых и дурных советчиков*.

В стремлении подчеркнуть свою былую значимость, Курбский причисляет себя к «добрым советчикам» (что, может быть, и было верно), но для этого он придаёт им статус консолидированной группы, которую называет *Избранной радой*²⁵⁰. С лёгкой руки Карамзина это обозначение становится общепринятым в российской историографии, употребительным и до сих пор. Более того, её начинают считать «неофициальным правительством» Ивана IV, то есть не просто консолидированной группой, а как бы даже *государственным институтом*, которому приписывают ряд действительно важных реформ, обеспечивавших строительство российского государства (о чём речь пойдёт ниже).

Однако ни один источник, кроме Курбского, не подтверждает её существования. Начиная с середины XIX века многие историки подвергают её существование сомнению. Не подвергается сомнению *личная* историческая роль отдельных лиц, включавшихся Курбским в её состав, прежде всего протопопа Сильвестра и окольного Алексея Адашева, тогда как в отношении других её участников определённости нет. Но нет оснований считать, что:

- они составляли организованную группу, действовавшую согласованно;
- царь наделял эту группу какими-то особыми полномочиями;
- исторические события, связываемые по традиции с этой группой, были обусловлены её консолидированными усилиями, а не волей отдельных лиц, в том числе самого царя.

Важно понимать, что обращение за советом и использование советов являются *коммуникацией по поводу обмена знаниями* и в этом качестве не институциональны, оставаясь всецело в рамках доброй воли участников коммуникации.

²⁵⁰ «Рада» — это «совет», группа лиц, дающих советы не порознь, а совместно и согласованно. «Избранной» она была названа по тому признаку, что её члены были избраны самим Иоанном.

Курбский, дав *советчикам* общее имя, дал повод считать их организованной группой. Карамзин, истолковав это в свете усвоенных им идей эпохи Просвещения, дал повод считать их авторами и организаторами реформ, взявшими в свои руки управление государством и оттеснившими на задний план официальные институты — Боярскую думу и Ближнюю думу. Тем самым он *допустил*, что государственная воля, исходящая от персоны власти, могла в этот период модифицироваться «Избранной радой» или даже исходить от неё. Оттолкнувшись в том числе от слов самого Иоанна, писавшего о поведении её участников (обозначенных как «*поп Сильвестр, Алексей [Адашев] и советники его*²⁵¹»): «*И паче вы растленны, что токмо повинны хотесте мне быти и послушны, но и мною владеете, и всю власть с меня снясти, и сами государилися как хотели, а с меня все государство сняли: словом аз бых государь, а делом ни чего не владел*»²⁵².

Звучит совсем как расхожая характеристика статуса «конституционного монарха» — как тут не вспомнить пресловутую «английскую королеву»²⁵³. Хотя таков же был и статус любого «слабого монарха» в правление всесильных временщиков как Ришельё, Мазарини, Сесил или Болингброк. Но *пытливая интеллигентская мысль* после Карамзина всё-таки устремилась в сторону парламента и конституции, опираясь на как бы неоспоримый факт **ограничения власти** государя. Хотя фактически он был **власти лишён**, а временщики готовились уже и к формальной передаче царской власти князю Владимиру Андреевичу Старицкому. В этом они ничем не отличались, к примеру, от графа Ричарда Уорика²⁵⁴, прозванного «Делателем королей» во

²⁵¹ Заметьте, советники ЕГО, а не МОИ: то есть правил-де Адашев и советы давали **ему**, а не царю.

²⁵² Сказания князя Курбского. — СПб., 1868. С. 195.

²⁵³ Хотя, к слову сказать, **английские** короли и королевы до сих пор правят **самодержавно** (а как же иначе в отсутствие конституции). Они не вмешиваются, пока всё идёт нормально, но в критических ситуациях изъясляют свою волю **категорически** — и выполняется она всеми **беспрекословно**. Один из нас был непосредственным свидетелем нескольких таких эпизодов.

²⁵⁴ Ричард Невилл (1428–1471) — 6-й граф Солсбери, 16-й граф Уорик (в старых русских переводах — *Варвик*), 5-й барон Монтегю и проч., английский государственный деятель и военачальник. Один из вдохновителей *Войны роз*, был прозван «Делателем королей» (*Kingmaker*) как организатор свержения Генриха VI (Ланкастера) и Эдуарда IV (Йорка).

время Войны роз в Англии. И ни на какую «конституцию» при этом не ссылались.

Репутацию участников «Избранной рады», как «прогрессистов» и «предтеч парламентаризма» укрепило то, что многие историки, и особенно публицисты, стали впоследствии приписывать им некоторые реформы, осуществлённые в 50-е годы XVI века: созыв Земских соборов, составление Судебника 1550 года, совершенствование приказной системы.

Статью 97 Судебника некоторые вообще считают доказательством того, что для внесения в Судебник дополнений якобы необходимо было подтверждение царской воли приговором Боярской думы²⁵⁵ — парламентаризм, да и только! Между тем эта статья гласила: *«А которые будут новые дѣла, а в семь судебнике неписаны, и какъ тѣ дѣла со Государева указу, и со всѣхъ бояръ приговору вершатца; и тѣ дѣла в семь судебнике приписывати»*²⁵⁶. Вполне очевидно, что эта формулировка отсылает нас к правилам Судебника **о подсудности**, согласно которым высшими инстанциями по разным категориям дел были, соответственно, *царский* и *боярский* суды (ст. 27, 28 и др.). А поскольку Судебник был сводом обычного права, его пополнение происходило за счёт включения прецедентных решений соответствующих высших инстанций **по факту их принятия**. Это явствует и из самих дополнительных статей, лишь немногие из которых содержат формулировки *«приговорил Царь Государь со всеми бояры»*, или *«...с Митрополиты»*, или с теми и другими вместе, что означало результаты рассмотрения дел со сложным составом или неопределённой подсудностью царским судом **совместно** с боярским и/или церковным. В целом же Судебник 1550 года отражал новую стадию развития русского права, начавшего освоение гражданского и уголовного римского права²⁵⁷, о чём

²⁵⁵ Так гласит большинство изложений Судебника «современным языком». См., например, https://web.archive.org/web/20160322010938/http://www.ipsub.udsu.ru/download/kafedra_tiigip/igpr/documents/sudebnik1550.doc

²⁵⁶ Цитируется по первому критическому изданию: Судѣбникъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, Законы изъ Юстиниановыхъ книгъ, Указы Дополнительные къ судебнику и Таможенный уставъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича. СПб., 1768.

²⁵⁷ Прежде оно применялось только в сфере права канонического.

свидетельствует регулярное присоединение извлечений из Дигест Юстиниана к спискам Судебника.

Не лучше дело обстоит и с другими реформами.

С опорой на многочисленные источники доказано, что «земские соборы» в 50-е годы XVI века были *ad hoc* собиравшимися совместными собраниями²⁵⁸ двух постоянно действовавших совещательных коллегий: светской Боярской думы (*думного собора*) и церковного *освященного собора*²⁵⁹. Признаки сословно-представительного учреждения сообщило соборам расширение представительства знати (за счёт служилого сословия) и духовенства (помимо архиереев). Сторонники такого взгляда ссылаются также на *эпизодическое приглашение отдельных лиц* из других сословий. Но это стало происходить не ранее 1566 года, то есть уже *после опалы Адашева* и его приспешников²⁶⁰. Так что приписывать именно им формирование сословного представительства в России безосновательно. Впервые *представители* иных сословий стали участвовать в Земском соборе 1610–1613 годов, когда *ополчившийся народ* устами гражданина Минина, князя Пожарского и патриарха Филарета (Федора Никитича Романова) громко заявил о своём участии в делах государства. Включение же в число участников Земских соборов *выборных* представителей иных сословий произошло лишь при Михаиле Романове.

Важное значение для развития русского государства имела форма приказной системы. Первоначально *приказами* назывались *временные органы*, создававшиеся для решения конкретных задач по приказу великого князя (отсюда и само слово). При Василии III появились первые постоянно действующие приказы, управлявшие великокняжеским двором и ведавшие казной²⁶¹. Лишь при Иване Грозном стали появляться приказы и родственные им «четверти» для

²⁵⁸ Что и обозначалось словом «собор» — как собрание вообще и как собрание лиц, объединявшихся по определённом признаку. См.: Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. — М.: Прогресс, 1996. С. 154.

²⁵⁹ Там же. С. 151.

²⁶⁰ Там же. С. 152.

²⁶¹ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). — М., Наука, 1982, с. 252–254.

управления присоединяемыми к государству территориями. Реформа приказной системы, приписываемая «Избранной раде», состояла в учреждении постоянно действовавших приказов «по отраслевому принципу», то есть выполнявших отдельные общегосударственные функции. К ранее единственному не придворному Казённому приказу прибавились Челобитный, Посольский, Стрелецкий, Пушкарский, Бронный, Печатный и другие. При этом происходило формирование *дьячества* (то есть бюрократии) как *особой группы* в составе служилого сословия. Это, бесспорно, способствовало централизации государственного управления. Но даже если верно, что создание новых приказов — заслуга Адашева (о чём нет иных свидетельств, кроме совпадения времени), как раз дьячество последовательно демонстрировало, что *служит именно царю*, а не кому бы то ни было ещё, и стало главной опорой царя в его противостоянии боярской верхушке, подавлении её возмущений и устранении «Избранной рады»²⁶². Так что и эта реформа *содействовала оформлению и укреплению самодержавия, а не ограничению царской власти*.

Всё это заставляет думать, что Иван Васильевич пользовался советами приближённых, пока они были полезны и способствовали реализации его намерений. Это было так, пока ход событий в основном сохранял инерцию обычая. А когда накапливающиеся перемены обычай потеснили, эти советы перестали быть полезными. Тогда-то царь и счёл за благо советчиков сменить. А может, и сделать что-то ещё.

С высоты сегодняшнего понимания можно сказать, что если знания *всех* советчиков оказываются бесполезными, нужно добыть новое знание методом проб и ошибок. А главное знание в таких ситуациях, как сказано выше, это *знание о пределах власти*. Трудно не увидеть *эксперименты* по добыче именно этого знания в таких действиях Грозного, как передача власти Симеону Бекбулатовичу или опричнина.

Резюмируя, можно сказать, что *так называемые участники «Избранной рады» в целом действовали в рамках обычая, сложившегося порядка вещей*. А более консервативные из них, как Курбский, продолжали считать обычаем тот порядок, который прекратил своё существование

²⁶² Шмидт С. О. Указ. соч. С. 302–325.

уже при Иване III, то есть не только **не способствовали переменам, но активно противостояли им, добиваясь возврата в прошлое.**

Поборником же и организатором перемен выступал как раз Иван Грозный. Его **нетрадиционные** действия потому и шокировали современников, что шли вразрез с обычаем и разрушали его. Его упорство в таких действиях указывает на то, что **образ (проект) будущего государства у него был. Но он не был обеспечен необходимым прикладным знанием (идеологией), а потому и не мог быть явно выражен в какой-то конституции.** Царь просто утверждал своё видение государства делами, *решая проблемы по мере их возникновения.*

Так же поступили в 1613 году и вышеназванные вдохновители Земского собора, избравшего на царство основателя новой династии Михаила Романова. Они руководствовались собственным **государственным сознанием**, а вовсе не какой-то «конституцией», никаких признаков какой-то ни в актах Собора, ни в свидетельствах современников не обнаруживается. Что неудивительно.

Ведь рождение западноевропейского конституционализма Нового Времени — продукт века Просвещения, результат проникновения научных методов в сферу знания о человеке и обществе. Мы утверждаем, что **раньше это и не могло произойти: невозможно создать проект государства, не располагая проверенным знанием о его устройстве** (пусть даже частичным и схематическим), а значит **не имея языка, пригодного для его описания.** Но и этого мало: общество становится пригодным для проектного развития — сознательного и целенаправленного изменения своей государственной формы — лишь тогда, когда в нём вырастает достаточно людей, владеющих этим знанием, этим языком, но также и **готовых осознанно взяться за это дело.**

III.4. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Мы знаем, что конституция, в современном смысле этого слова, появилась в России в начале XX века, когда прочие государства Европы и многие — остального мира конституциями уже обзавелись. Что это — поздно или рано? Почему тогда, а не в другое время?

В царствование Екатерины II и Павла I в российском обществе нужными знаниями и языком владело едва ли *несколько сот* образованных людей, большинство из которых усвоило их из общей любознательности, а вовсе не ради практического применения. Конечно, заявлявших о своём *интересе* к идеям Просвещения было несколько больше, но эти просто любопытствовали или следовали моде. И уж совсем немногие сознательно стремились распространить эти знания *в перспективе их будущей полезности* (см. II.2.10), что властью вовсе не одобрялось (вспомним судьбу Новикова).

Однако первая попытка использовать эти знания *в собственной деятельности* на государственной ниве была предпринята именно тогда.

Её совершил Никита Иванович Панин²⁶³ — сподвижник Елизаветы Петровны, деятельный участник переворота и глава Коллегии иностранных дел при Екатерине II, воспитатель цесаревича Павла Петровича — влиятельнейший вельможа трёх царствований.

Свой первый проект реформы управления страной он представил именно Екатерине, справедливо полагая, что уж *она-то необходимым языком владеет*. Документ предусматривал создание Императорского совета, наделённого законодательными и контрольными полномочиями, повышение роли Сената, а также ряд «антикоррупционных мер», как мы бы теперь сказали. Императрица *всё поняла*²⁶⁴, *но ничего не приняла*. Она усмотрела в проекте вторичность, *подража-*

²⁶³ Панин Никита Иванович (1718–1783) — граф, первый и единственный в истории *действительный тайный советник 1-го класса*, главный архитектор внешней политики России во второй половине XVIII века, инициатор раздела Польши, создатель системы политических союзов России, сохранявшейся до Венского конгресса, глава одного из направлений русского масонства.

²⁶⁴ Она даже подписала было манифест об учреждении Императорского совета, но, одумавшись, надорвала.

тельность западноевропейским образцам, что неудивительно для человека, прожившего долгую жизнь дипломата, «*более сведущего в заморских порядках, чем в русских*».

Вторую попытку Панин предпринял в конце жизни (это уже 80-е годы XVIII века), составив вместе со своим братом фельдмаршалом Петром Ивановичем и доверенным секретарем Д. И. Фонвизиным²⁶⁵ уже развёрнутый проект конституции (избегая, правда, самого этого слова), адресованный Павлу, с которым они вроде бы хорошо понимали друг друга. Похоже, что тут Панин учёл критику его предыдущего проекта Екатериной. Во всяком случае князь П. А. Вяземский позже писал: «*Граф Панин, ... был Русским не только по характеру и направлению своей политики, но и истинно Русским человеком с головы до ног. <...> Ничто, касавшееся до России, не было ему чуждо или безразлично*».

В дошедшей до нас преамбуле²⁶⁶ документа подчёркивалось: верховная власть вверяется государю «*для единого блага его подданных*». А источник его власти — согласие народа с правителем, которого народ избрал, чтобы тот управлял им. Иначе устроенное государство слабо, ибо это «*колосс, державшийся цепями. Цепи разрываются, колосс упадет и сам собою разрушается...*». В этом Никита Иванович, похоже, придерживался того же взгляда на власть, что и мы: ***власть основана на добровольном согласии подвластных, а вовсе не на принуждении и насилии***.

Никита Иванович не смог вручить свой проект Павлу Петровичу (что было опасно при Екатерине) — он скончался на руках цесаревича, оплаканный им с искренней любовью. Это, при воцарении Павла, сделал брат Никиты Ивановича — Пётр. Тут-то и обнаружилась вся условность взаимопонимания Павла со своим любимым наставником. Панин учил Павла принимать во внимание опыт Западной Европы и, подобно прародителю Петру I, не стесняться брать из него *образцы*. Но Павел, им же воспитанный в свободной воле, избрал другие

²⁶⁵ Тем самым, автором «Недоросля».

²⁶⁶ Основная часть проекта — собственно конституция — увы, не сохранилась: её уничтожил Павел Фонвизин, брат Дениса Ивановича, унаследовавший рукопись после его смерти. Это пришлось сделать в предвидении обыска из-за того, что Екатерина заподозрила братьев Паниных в заговоре против неё в пользу Павла.

образцы. А проект Панина, отвергнутый Павлом, остался *семейным достоянием*²⁶⁷ Романовых.

III.4.1. Александр I Благословенный

Так надо ли удивляться, что наследник Екатерины II и Павла I цесаревич Александр Павлович писал уже своему прежнему наставнику Ф.-С. Лагарпу²⁶⁸: *«Полагаю... после воцарения даровать России конституции. <...> После чего я власть с себя сложу полностью и, если Провидению угодно будет нам способствовать, удастся в какой-нибудь тихий уголок, где проживу спокойно и счастливо, видя благоденствие моей отчизны и зрелищем сим наслаждаясь. Вот каково мое намерение, любезный друг»*²⁶⁹.

После воцарения Александр непосредственно столкнулся с тем, что раньше только наблюдал: *государство* в России вроде бы **есть**, а вот *устройства*, то есть устойчиво и единообразно действующего механизма, «государственной машины», у него как бы и **нет**. Такое *de facto* отсутствующее государственное устройство он сам при первом обращении к членам созванного им Негласного комитета назвал «безобразным».

Тем не менее Александр постоянно возвращался к мысли о конституции, подробно обсуждал её с ними, а потом — много лет — со Сперанским (см. II.2.6). Тот составил для него ряд записок, одна из которых — *«Введение к уложению государственных законов»* — представляла собой, конечно, не «проект конституции» (каковым её иногда представляют), а развёрнутое рассмотрение того, что именно конституция должна содержать и к чему должно вести её принятие. Причём каждому очерку того или иного элемента государственного устройства

²⁶⁷ Но не только! По линии братьев Фонвизиных через племянника Дениса Ивановича — Михаила — панинский проект дошёл до декабристов и, как считают некоторые историки, повлиял на их «конституционное творчество» (см. ниже). Видимо, недостаточно...

²⁶⁸ Фредерик-Сезар Лагарп (1754–1838) был избран Екатериной II в наставники любимому внуку как человек, неподвластный придворным интригам. Был отставлен в 1795 году, когда выяснилось, что и ей он потворствовать не намерен. Оставался другом и наперсником Александра до конца его дней. Был также видным государственным деятелем Швейцарии (см. далее).

²⁶⁹ Письмо от 27 сентября (8 октября) 1797 // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Т. 1. — М.: РОССПЭН, 2014. С. 338.

Сперанский предпосылал развёрнутое теоретическое обоснование. Так что эта записка была *руководством к размышлению* о конституции.

В ней он писал в частности:

«Образ правления должен быть соразмерен той степени гражданского образования, на коей стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстаёт или предворяет сею степень, он испровергается с большим или меньшим потрясением. <...>

Сим изъясняются также и те неудачи, коими нередко были сопровождаемы самые благотворные усилия политических перемен, когда образование гражданское не приуготовило еще к ним разум»²⁷⁰.

Тем самым он подчеркивал: чтобы *изменить* образ правления, надо прежде этот образ правлению *придать*. А также что разум к этому следует *подготовить*, то есть вооружить его теми самыми знаниями и языком, о которых мы говорим. И с годами Александру становилась всё яснее несоизмеримость поставленной им перед собой задачи со временем собственной жизни. В горьких словах *«некем взять»*, сказанных им по поводу пробуксовки реформ, воплотилось всё: и отсутствие опоры в окружении, и нерадивость служащих, и неготовность общества.

Так что государю пришлось сконцентрироваться на не столь радикальных, но всё же очень важных реформах, архитектором которых и стал Сперанский: реформах государственного управления и судебной системы.

И всё же Александр не упускал возможности накопить опыт государственного строительства на конституционной основе. Таких возможностей ему представилось две, и обе по-своему уникальные.

Как мы писали выше, Наполеону пришлось своим *Посредническим актом* от 18.02.1803 года восстановить федеративное устройство Швейцарии, сохранив за ней, однако, название Гельветической республики. Но в стране продолжались разногласия как по поводу состава союза, так и по поводу государственного устройства. В 1813 году Александр послал в Швейцарию графа Каподистрию²⁷¹. В результате пере-

²⁷⁰ Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов (план всеобщего государственного образования) // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. — СПб.: Наука, 2002. С. 342.

²⁷¹ Иоанн Каподистрия (11 февраля 1776 — 9 октября 1831) — ранее один из руководителей Республики Ионических островов, отвоеванной у Османской

говоров при активном содействии Лагарпа (тогда члена управлявшей страной Директории) Швейцария примкнула к антинаполеоновской коалиции, а Александр I приобрёл репутацию главного защитника и гаранта независимости Швейцарии. После окончательной победы над Наполеоном возникла возможность вернуть в состав Швейцарии отторгнутые им кантоны Вале, Невшатель и Женеву. Воспользовавшись этим, Александр, уже признанный главным архитектором послевоенного устройства Европы, привлёк на свою сторону многих представителей Швейцарии на Венском конгрессе (среди которых был и Лагарп) и побудил их к принятию обновлённой конституции Швейцарской Конфедерации. Она кроме прочего предусматривала нейтральный статус²⁷² страны, отмену крепостного права, обязательное начальное образование и другие новации. ***И сделал это Александр, в отличие от Наполеона, не ради приобретения власти над этой страной и выгод для своей страны, а потому что видел в этом свой долг государя и миротворца.*** В дальнейшем он добился закрепления нейтралитета Швейцарии Венским конгрессом. Именно эта конституция дала начало продолжительному независимому существованию страны и нынешним её границам, так что ***Александр I заслуженно причисляется к основателям современного Швейцарского государства.***

Вторую возможность Александр I реализовал в собственной империи. В ходе своих завоеваний Наполеон овладел теми частями Польши, что достались после её последнего раздела Австрии и Пруссии. Он объединил их в Герцогство Варшавское, которое снабдил конституцией, запретив кроме прочего использовать даже слова «Польша», «польский» и т. п. Добившись в результате сложных политических манёвров присоединения большей его части к Российской Империи, Александр I смог воссоединить историческое ядро польских земель. И он не остановился на этом, а создал из них автономное²⁷³ государственное образование — царство Польское и даровал ему

империи Ф. Ф. Ушаковым. В описываемое время — на российской службе, начальник походной дипломатической канцелярии Александра II, впоследствии министр иностранных дел России, затем первый правитель независимой Греции.

²⁷² Есть небезосновательное мнение, что в этом Александра убедил Лагарп, из их переписки явствует, что Лагарп был убеждённым противником войн.

²⁷³ Связанное с Российской Империей фактически династической унии.

Конституционный устав, ставший одной из самых прогрессивных (некоторые говорят — либеральных) конституций своего времени. Совершая этот акт исторической справедливости и уважения к польскому народу, государь имел основания полагать, что **гражданское состояние этого народа соразмерно избранной форме правления**. Но тут, увы, его ожидания были обмануты. Его²⁷⁴ знание польского народа оказалось неполным и недостоверным: мечта об «исторических границах», что возвратили бы под власть польских магнатов русское население, взяла верх над *гражданским состоянием* народа. Поэтому всего через 15 лет польское восстание положило этому конституционному проекту конец.

Нельзя оставить в стороне и ещё один проект Александра I/Сперанского: реформу управления Сибирью. Она создавала элементы местного самоуправления с введением представительных органов на всех уровнях — от уездов до генерал-губернаторств. Она к тому же обеспечивала гарантии традиционных прав инородческих самоуправляемых общностей, что способствовало их дальнейшей интеграции в российское общество. А крепостного права в Сибири и так никогда не было. Эту реформу Сперанский реализовал сам в качестве сибирского генерал-губернатора, проведя при этом колоссальную чистку, отставив и предав суду более полутысячи должностных лиц и *инородческих начальников*. К «конституционному» направлению эта реформа примыкала как необходимый элемент **опережающего развития гражданского состояния народа**.

III.4.2. Эпоха мечтаний

Как же обстояло дело с гражданским состоянием в России?

Дело обстояло плохо: народ в европейской России оставался в прежнем своём *потайном* состоянии (см. II.3.1.2), а вот дворянство обуюали *мечтания*. В том числе мечтания о конституции. В первую очередь это затронуло часть офицерства, *нахватавшегося* поверхностных впечатлений о «цивилизованных» европейских порядках во время заграничных походов. Никаких положительных знаний,

²⁷⁴ А точнее — его брата Константина, чьему мнению он доверился.

в том числе о современных социально-политических учениях, это им, конечно, не дало. И даже знания о том, чем привлекательный для них порядок обязан «конституции», а чем — всей предшествующей феодальной и абсолютистской истории. Университетов они в подавляющем большинстве не кончали, правда, читали много: и классиков Просвещения (Вольтера, Монтескьё, Дидро, Руссо) и новейших мыслителей — Дестюта де Траси²⁷⁵, Б. Констана, И. Бентама²⁷⁶. Но те читали одно, а иные — другое, *полузнайство* их и погубило. Они, которых потом стали называть декабристами, составили довольно много конституционных проектов, главными из которых принято считать «Конституцию» Н. Муравьёва, «Русскую правду» П. Пестеля и «Манифест к русскому народу» С. Трубецкого и К. Рыльева. Первый из них долго дебатировался в Северном обществе, изменялся и уточнялся, но так и не был принят им из-за неустрашимых разногласий. Второй был принят Южным обществом как программа действий. И он действительно, как и положено конституции, был программой государственного строительства, его подлинное название начиналось со слов: *«Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования России»*. Но по содержанию они были несовместимы.

По-муравьёвски предстояло строить монархию, но на основе высосанного из пальца федерализма, объяснявшегося, вероятно, как раз противоречиями между разными группировками и желанием предоставить каждой из них возможность создавать государство «под себя». А по-пестелевски — «единую и неделимую» унитарную республику с пока неясным способом управления, ввиду чего предполагалось временно установить диктатуру. Примечателен был и подход Пестеля к *национальному вопросу*, предполагавший избирательную депортацию народов Кавказа в Среднюю Азию, принудительное крещение цыган и вывоз евреев в создаваемое для них особое государство. То есть он хотел «России для русских» и предполагал строить вместо империи *национальное государство*.

²⁷⁵ Антуан Дестют, граф де Траси (1754–1836) — французский мыслитель, основатель «Общества идеологов» и автор самого термина «идеология», которую он понимал как «изучение идей научными методами». Был очень популярен у русской читающей публики до начала XX века.

²⁷⁶ См.: Великая французская революция и Россия. — М., 1986. С. 366–373.

Ясно, какова была цена их **конституционных фантазий**. До полувековой давности проекта Никиты Панина им было как до неба. Уже тот факт, что ни к какому согласию между собой они по конституционному вопросу не пришли, указывает на **отсутствие у них языка**, на котором можно обсуждать подобные темы. Тов. Эйдельман писал — «**общего языка**», но мы утверждаем, что вообще **языка**, то есть адекватных знаковых средств описания государства в разных аспектах его бытия, а не ярлыков вроде «**возвышенных обязанностей гражданина**». Наивно думать, что конституционные проекты декабристов имели какое-то влияние на последующие общественные движения в России, ведь их содержание публике оставалось неизвестным: они были **реконструированы** по материалам следственного дела и опубликованы только при советской власти, возжелавшей видеть в них своих предтеч.

Не было у декабристов **основанной на знании мудрой осмотри-тельности** Александра и его сподвижников, а были вынесенные с полей сражений отвага и готовность рисковать при незнании обстановки. А потому, когда дошло до **дела**, появился третий из упомянутых документов, провозглашавший лишь то, что не вызывало разногласий²⁷⁷: отмену крепостного права, подушной подати и введение временной диктатуры с одновременным роспуском армии (sic!).

Для них **дело** кончилось не так плохо, как можно было ожидать, для России — много хуже. Потому что Николая I и влиятельную часть общества в целом восстание убедило в том, что **гражданское состояние** российского общества к конституционным переменам не готово. А значит из повестки дня их надо исключить — до поры до времени.

III.4.3. От Александра II Освободителя к Николаю II Страстотерпцу

Время наступило при Александре II (см. II.2.7). **Совокупность актов, обеспечивавших его Великие Реформы, по справедливости должна быть признана «составной конституцией»**, настолько

²⁷⁷ Видимо, не вполне, потому что есть несколько версий «Манифеста», различающихся по содержанию, а что это — рабочие версии или обращения к разным слоям общества — остаётся неизвестным.

значимы были вводимые ими перемены в государственном устройстве. Увенчать её должен был акт о реформировании законодательного механизма — так называемая «Конституция Лорис-Меликова» (см. II.2.7.4), которая, *отдельно от них*, такого названия не заслуживала. У нас нет сомнений, что при иных обстоятельствах она была бы принята (может быть, и в более радикальном виде) и способствовала бы дальнейшему развитию *гражданского состояния* российского общества и русского народа. Эта уверенность основывается на том, что весь комплекс реформ был (на уровне знаний того времени) основательно продуман, а данный акт точно в него вписывался.

Но, как мы знаем, Провидение распорядилось иначе. Видимо оно и в самом деле своим непостижимым образом было на стороне русского *потаённого* народа, так как реформы Александра II, даже во всей своей полноте, разрыва между ним и остальным обществом не устраняли и устранить не могли. Хотя, фактически придавая крестьянству гражданский статус, может быть, и открывали какое-то дополнительное «окно возможностей» в неопределённом будущем.

Историю первой фазы русского конституционализма замыкают Основные законы Российской Империи²⁷⁸ — первая общероссийская конституция, переступившая рамки замысла, легитимно введённая в действие и действовавшая 11 лет.

Технически это Свод основных государственных законов Российской Империи, составленный (путём кодификации) М. Сперанским и введённый в действие Высочайшим манифестом от 31 января 1833 года с изменениями, внесёнными манифестами «Об учреждении Государственной Думы» от 6 августа 1905 года, «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года и «О переустройстве Государственного Совета» от 20 февраля 1906 года.

Главным плодом этой конституции стало **введение народного представительства**. Оно не было ни всеобщим, ни равным: эпоху «цензовой демократии» с присущими ей экспериментами над избирательным правом стране предстояло пройти на собственном опыте. Потому что органическим изъяном этого проекта было формальное заимствование организационных форм западного парламентаризма, предполагающих

²⁷⁸ Свод основных государственных законов Российской Империи (ред. от 23 апреля 1906 года. Раздел первый).

партийную политическую организацию общества, работу партий с населением для мобилизации его в качестве избирателей и т. п.

Но **гражданский статус крестьянства**, недооформленный в эпоху Великих реформ, обрёл свою полноту, что сказалось уже на результатах первых выборов в Государственную Думу. Это стало возможным, поскольку неформальные группы, инспирировавшие Первую русскую революцию, владели эффективными методами массовой пропагандистской работы (см. П.3.1), созданные ими партии оказались в преимущественном положении по отношению к проправительственным партиям и прочно доминировали в Думе до 1917 года.

Последующие манипуляции избирательным законом ничего в принципе изменить не могли. Решающее значение имело то, что разрыв крестьянско-купеческой общности с остальным российским обществом был этой конституцией **легализован, но не устранён**. И его устранение как задача переустройства российского общества даже не ставилась. Да и решить её путём политических маневров, на что только и были способны новообразованные партии, было невозможно.

Судьба этого проекта вполне определилась в день роспуска Первой Государственной Думы, обнажившего **разрыв между взаимными ожиданиями власти и тех слоёв общества, которые только что совершили победоносную, как им казалось, революцию** (крестьянства и купечества). Это был, в отличие от предыдущих конституционных эпизодов, уже **не когнитивный разрыв, а конфликт проектов**: противостоящие стороны прекрасно знали, какое будущее хотят построить оппоненты, но оно было для них неприемлемо. Поэтому конституция, не воплощавшая **ни один** из конкурирующих проектов, обрекала основанное на ней государство на борьбу за выживание. Будущее показало, что это была конкуренция **неосуществимых проектов** (утопий), что сделало их борьбу особенно **бессмысленной и беспощадной**, но и расчистило путь новому типу социальных проектов.

III.5. СОВЕТСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

III.5.1. Конституция РСФСР 1918 года

Как мы уже писали (см. II.3.2.1), советское государство с самого начала было *проектом*. Причём проектом даже не государства или страны, а *будущего человечества*. И более того, проектом, к участию в осуществлении которого открыто и явно призывались *пролетарии всех стран*. И вообще все, кто по своим убеждениям захотел бы присоединиться.

Конечно, такой проект должен быть *провозглашён для всеобщего сведения*. И описан так, чтобы всё в нём было понятно, ведь каждый участник проекта должен был к нему примкнуть осознанно, по собственной воле. Поэтому рождавшееся советское государство было обречено на конституцию. Неудивительно, что уже в январе 1918 года III Всероссийский съезд Советов принял решение о подготовке конституции. А ведь едва прошло два месяца после взятия большевиками власти *в столице* России, и до утверждения этой власти *во всей стране* оставались годы! И через полгода (10 июля) она была принята.

Современная исследовательница-филолог с нескрываемым изумлением обнаруживает в тексте первой советской конституции то, чего там, как ей казалось, не может и не должно быть, — *будущее время*:

«Сложность модального статуса текста Конституции 1918 г. — в соединении модальности должностования и возможности, выраженной глагольными предикатами в формах будущего времени, а также конструкциями с именем существительным задача в значении 'план', 'планируемые действия'»²⁷⁹.

И приводит примеры:

«Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского

²⁷⁹ Фролова О. Е. Конституция РСФСР 1918 г.: лингвистический портрет текста // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 20, № 3 (178). — С. 27–43.

и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти... (ст. 9)».

«Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование (ст. 17)».

И тому подобные.

А ещё её ставит в тупик **экстерриториальность** ряда положений:

«Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах... (ст. 3)».

Всё это решительно противоречит всем цитируемым ею общепринятым (то есть правоведческим) определениям конституции. Но мы то уже знаем, что конституция — акт не правовой, а идеологический. Так что тут всё в порядке. Другое дело, что это **проектное** и **идеологическое** значение оказалось явно выражено уже в самом первом конституционном акте советской власти. Что прямо указывает на главное новшество, внесённое большевиками в российский конституционный процесс: это больше не «подравнивание» под *прогрессивное человечество*, не следование каноническим образцам, а **творческое** проектирование будущего. **Небывалого будущего**, которое не является слепком с *чужого прошлого* и обусловлено лишь **волей** персоны власти и её **знанием** о человеке, обществе и государстве. Знанием нового для такой ситуации типа — научным знанием. Это знание гласило: будущее человечества — это социализм. С этим уже почти все в мире были согласны, ещё немного — и стали согласны все — сразу после Великой войны. Но воли к этому будущему никто, кроме большевиков, в себе не нашёл. Что стало на многие десятилетия неизбывным вызовом остальному «цивилизованному человечеству».

Важно понимать, что советская власть устанавливалась **в классовом обществе**, что приводило к переводу *классовой борьбы* из состояния, непосредственно не наблюдаемого, обнаруживаемого лишь путём научного исследования, в открытое противостояние. Ради будущего «устранения деления общества на классы, ... установления социалистической организации общества» (ст. 3) устанавливается «диктатура городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях

полного подавления буржуазии» (ст. 9). То есть во всё ещё классовом обществе силовым путём меняется расстановка сил: прежние формы дискриминации, создающие предпочтения для эксплуататорских классов, **заменяются противоположными формами дискриминации**, прямо ущемляющими их. А именно:

- *«эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти»* (ст. 7);
- *«Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции»* (ст. 23). В частности, лишались избирательных прав (были *лишенцами*) лица, прибегающие к наёмному труду с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовые доходы, занимающиеся торговлей и коммерцией; монахи и духовные служители; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений (ст. 65);
- *«финансовая политика... способствует основной цели экспроприации буржуазии и приготовления условий для всеобщего равенства граждан Республики в области производства и распределения богатств»²⁸⁰. В этих целях она ставит себе задачей предоставить в распоряжение органов Советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Республики, не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности»* (ст. 79).

Эти меры были временными и впоследствии были отменены (см. ниже).

Но нам следует сказать ещё о двух важных особенностях этой конституции, оказавших влияние на всю последующую историю.

Советское государство учреждалось как **инструмент** — инструмент мировой пролетарской революции. В этом качестве оно должно было *удобно лежать в направляющей его руке*. Это проливает дополнительный свет на природу сверх-власти и её отличие от власти в обычном смысле слова. Власть, рождающаяся и реализующая себя в государстве, ставит перед собой задачи, неотделимые от его сохранения, укрепления и, возможно, экспансии. Сверх-власть ставит перед

²⁸⁰ Здесь и далее выделено авторами.

собой задачи, значимые лишь для неё самой; государство сохраняют, пока оно для этого полезно, а иначе им можно и пожертвовать (к чему мы позже вернёмся). Хотя *всемирная революция* и была со временем снята с повестки дня, сам этот ***служебный, зависимый характер советского государства сохранился до самого его конца***. Его преодоление стало первой задачей постсоветского периода.

Вторая часть наследия, доставшегося нам от первой советской конституции, это ***федерализм***.

Историческая Россия — по самому способу формирования её территории и народа — никогда не имела признаков федерации. Такие признаки возникли лишь с появлением в составе Российской Империи *окраин*, имевших государственную предысторию: царства Польского, княжества Финляндского (на основании династической унии) и протекторатов²⁸¹ — Бухарского эмирата и Хивинского ханства (см. II.4.4.7). И к этому обстоятельству нам предстоит вернуться ниже.

Тем не менее начиная к конституции 1918 года Россия получает в своём названии (РСФСР) слово «федеративная», остающееся в нём и сейчас. Как мы уже писали (см. II.3.2.2.6), это было «изобретение» Я. Свердлова (председательствовавшего в комиссии по составлению конституции), возможно инспирированное его заокеанскими покровителями в видах последующего расчленения России. Конституция не только объявила Россию федерацией национальных республик (ст. 2), но и предоставила право участия ***на федеративных началах*** также и «автономным областным союзам, отличающимся особым бытом и национальным составом»²⁸² (ст. 11). В глазах тех из соратников²⁸³, что сочли возможным согласиться с этим, такое новшество объяснялось тем, что революционные процессы-де на территории

²⁸¹ Присоединение грузинских царств и исторических армянских областей (перешедших под протекторат России и отказавшихся от суверенитета ради сохранения национальной и конфессиональной идентичности) такого эффекта не давало. Как не давало его и наличие в составе России самоуправляемых областей — казачьих и инородческих.

²⁸² Впоследствии именно такие «союзы областей» получили название краёв.

²⁸³ Включая Сталина, хотя предложенный им «национально-территориальный» принцип построения государства не предполагал федерализма, которого, похоже, он так никогда и не принял.

страны развивались децентрализованно, по-разному в разных регионах и приводили подчас к провозглашению «государств». Так, уже 20 ноября 1917 года съезд народов Поволжья принял решение о предстоящем провозглашении Идель-Уральской республики в Казанской, Уфимской губерниях и некоторых сопредельных им территориях. 28 ноября 1917 года был провозглашен Башкурдистан (с января следующего года — Малая Башкирия). Вот такие-то новообразования и предлагалось интегрировать в «федерацию». На деле, конечно, большевики старались препятствовать таким начинаниям. И способ принятия конституции РСФСР был избран унитарный — Всероссийским Съездом Советов без подписания какого-либо общего «федеративного» договора. Вхождение республик в состав РСФСР происходило по-разному: с Малой Башкирией был подписан двусторонний договор (после чего она стала называться Автономной Башкирской Советской Республикой, впоследствии БАССР), Туркестанская Советская Федеративная Республика, провозглашённая 30 апреля 1918 года, объявила себя частью РСФСР (Автономной Туркестанской Республикой²⁸⁴) в одностороннем порядке, а Татарская АССР была учреждена в 1920 году декретом ВЦИК и Совнаркома РСФСР. **В дальнейшем все решения о создании автономий принимались только так — органами власти РСФСР.**

Условность и искусственность оставшегося в основном на бумаге «федерализма» позволили Сталину в 1936 году воспрепятствовать превращению ТАССР и БАССР в союзные республики. Они же, как мы полагаем, были и в числе факторов, предотвративших распад России в начале 90-х.

III.5.2. Конституция СССР 1924 года

Создание Союза Советских Социалистических Республик знаменовало новый этап воссоздания исторического русского государства и новый способ государственного строительства.

Территория РСФСР, заявленная на момент её учреждения, включала большую часть территории Российской Империи, кроме При-

²⁸⁴ Просуществовала до 1924 года, когда была раскассирована на вновь образованные автономные (в составе РСФСР) и союзные (в составе СССР) республики.

вислянского края (Польша) и Финляндии, воспользовавшихся предоставленным правом на самоопределение, а также Украины, части Белоруссии и Закавказья²⁸⁵. Однако и на этих последних территориях были провозглашены независимые советские республики: Белорусская (2 января 1919 года), Украинская (10 марта 1919 года), Азербайджанская (28 апреля 1920 года), Армянская (29 ноября 1920 года), Грузинская (25 февраля 1921 года), Абхазская (4 марта 1921 года). 12 марта 1922 года закавказские республики объединились в Федеративный Союз Социалистических Советских Республик Закавказья.

Все эти процессы шли под непосредственным руководством РКП(б). Хотя некоторые её региональные организации (например, азербайджанская) были переучреждены под национальными названиями, на единство политической воли это не влияло.

В начале 1922 года по завершении гражданской войны и прекращении иностранной интервенции партия решительно заявила о необходимости объединения всех советских республик. Мотивы такого решения были очевидны:

- необходимость выживания во враждебном окружении, а значит, обороны всего контролируемого пространства консолидированными силами и под единым руководством. Ясно, что восстановление единой территории в пределах, защитимость которых исторически доказана (см. IV.1), было важным условием выживания;
- необходимость всемерной концентрации производительных сил, понёсших огромный ущерб в период Гражданской войны.

Ключевым стал вопрос о *способе объединения*, при обсуждении которого в специально созданной комиссии ЦК обнаружилось два принципиально разных подхода. Первый, сформулированный Сталиным, предусматривал ***вступление всех советских республик в состав РСФСР*** на правах автономий. Очевидной основой этого замысла было восстановление имперского единства России. Альтернативный подход, предложенный Лениным, предполагал создание объединения разнородных государственных организмов, принципиально ***открытого для присоединения вновь возникающих***

²⁸⁵ Бухарский эмират и Хивинское ханство хотя и находились под протекторатом Российской Империи, но территориально в её состав не входили.

советских государств. Он должен был обеспечивать **неограниченное расширение советского пространства в ходе мировой социалистической революции.**

Сопоставляя эти подходы с историческими прецедентами, трудно обнаружить, что линия Сталина принципиально продолжает *путь собирателей Российского государства*, а линия Ленина вполне аналогична *стратегии Наполеона*, вовлекавшего в орбиту своей сверх-власти возникающие «республики-сёстры».

Задумаемся, однако, какой из этих планов был практически **осуществим?**

Вспомним, что революционные процессы в Российской Империи были круто замешаны не только на крестьянском, но и на национальном вопросе. Не вдаваясь в обсуждение причин его остроты, скажем лишь, что различные формы национальной дискриминации, безусловно, существовали и определение империи как «тюрьмы народов» в революционной среде не только не оспаривалось, но и использовалось в пропагандистских целях. В этих условиях любое появление *призрака империи* в послереволюционном обществе способно было поставить крест на любой попытке объединения уже возникавших национальных государств. Тем более что государства эти создавались сначала именно националистическими партиями и движениями (Мусават, Дашнакцутюн, Грузинская СДП, ОУП, УСДП и пр.), а их советизация и большевизация потребовали значительных усилий.

С другой стороны, социализм рассматривался как желанное будущее всеми, включая и эти националистические группы. К тому же курс на продолжение мировой революции в этот момент разделялся практически всеми большевиками. Поэтому возобладал ленинский замысел создания полноценной **федерации — союза суверенных государств на основе договора между ними.** Проект по-своему разумный, ясный и не беспрецедентный.

30 декабря 1922 года I Всесоюзный съезд Советов утвердил **Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик**, согласованный накануне делегациями от съездов Советов четырёх республик: РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Он стал основой и составной частью первой конституции СССР, единогласно принятой 31 января 1924 года II съездом Советов.

Вышеприведённые мотивы создания союза изложены в Декларации об образовании СССР, ставшей преамбулой конституции. Но первым делом эта Декларация провозглашала, что *«государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма»*, **в этой действительности** формулируя задачи нового государства:

- *«уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов»*;
- *послужить «решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»*.

Именно в такой последовательности. Поскольку устранение любого намёка на неравенство участвующих в этом процессе народов было признано **необходимым предварительным условием** объединения.

Но, по сути, конституция СССР 1924 года учреждала вовсе не просто какое-то новое государство, она **учреждала мировой лагерь социализма**, зародыш *Мировой Социалистической Советской Республики* и — ради этого — Советский Союз, который должен стать его **центром кристаллизации**, обрастающим *«социалистическими советскими республиками как существующими, так и имеющими возникнуть в будущем»*, пока чаемое не свершится.

И ради этого делалось всё остальное:

- граждане союзных республик обретали **единое римское гражданство СССР**, которым вознаграждались *присоединившиеся пролетарии всех стран*. Какие права оно им даёт и какие обязанности на них возлагает, конституция умалчивала²⁸⁶;
- особым конституционным органом признавалось **объединённое государственное политическое управление** (ОГПУ), организующее *«революционные усилия союзных республик по борьбе*

²⁸⁶ Регулирование гражданских и политических прав оставалось прерогативой союзных республик, которыми решалось по-разному. По конституции РСФСР существовал ряд категорий граждан, лишавшихся избирательных прав (*лишенцев*) по признакам классовой принадлежности и вида занятий (см. выше). Лишались их также члены ранее царствовавшего в России дома, что не было беспрецедентным: в республиканской и императорской Франции гражданских и политических прав лишались все, кто мог legitimately (по линии Капетингов/Бурбонов) претендовать на престол. Но, например, в ЗСФСР таких ограничений не было.

с политической и экономической контр-революцией, шпионажем и бандитизмом», хотя его председатель входил в Совнарком (правительство) лишь «с правом совещательного голоса»;

- в руках союзных органов власти концентрировались **все жизненно важные полномочия**: внешние сношения, право войны и мира, оборона, пути сообщения, связь, деньги и кредит, планирование экономики и иностранные инвестиции, бюджет и налоги, юстиция, трудовые отношения, меры и веса... И венец всему: «*Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР*²⁸⁷ имеет право приостанавливать или отменять декреты, постановления и распоряжения Президиума ЦИК'а Союза ССР, а также С'ездов Советов и ЦИК'ов союзных республик и других органов власти на территории Союза ССР». Не нравится — уходи: право выхода из Союза конституцией гарантировалось. Но перед лицом сокрушительной угрозы куда вы денетесь?

Эта предельная централизация, концентрация всех признаков государства на уровне Союза обнаруживала в проекте СССР политически неизбежный компромисс между линиями Ленина и Сталина: возможность империи, скрытую «в порах» орудия мировой революции.

И с этого момента роль носителя исторической преемственности государства переходит от РСФСР к СССР, *конституируя* именно его как **Россию советской эпохи**.

III.5.3. Сталинская Конституция СССР 1936 года

Смысл и основания принятия **этой** конституции современникам, похоже, были ясны безо всех рассуждений, кои последуют ниже. Но *переживание текущего момента* давно миновало, и без рассуждений не обойтись.

Хотя почувствовать это переживание нам нетрудно: **мировая революция не состоялась, мы остались одни, наедине со всем враждебным миром**. Равное по силе экзистенциальное переживание западный мир испытал после Великой войны, но оно было **противоположным по модальности**. После недолгой эйфории от победы Запад оказался

²⁸⁷ Постоянно действующий двухпалатный представительный орган.

во власти ужаса от пережитого; желание любой ценой избежать его повторения надолго стало там доминантой общественного сознания, **демобилизующей волю к сопротивлению**. Во многом из-за этого гитлеровский рейх потом так легко овладел Европой.

А в Советском Союзе все понимали — враждебный мир **неизбежно** обрушится на нас. Нам **придётся** ему противостоять. И следует решить, **в каком качестве** это делать.

Вне перспективы мировой революции СССР больше не был зародышем *Мировой Социалистической Советской Республики*. Но должен был оставаться **лагерем социализма**. Поэтому лагерь следовало укрепить, а социализм — построить. Это означало, что **цель предыдущего конституционного проекта не может быть достигнута**.

Но следовало по крайней мере завершить решение задач прежнего проекта, не обусловленных его главной целью. Так появилась доктрина **построения социализма в отдельно взятой стране**, утверждённая в 1925 году XIV съездом ВКП(б). Именно этот момент следует считать началом подготовки нового конституционного проекта.

Для консолидации **многонационального** народа нужно было на деле продемонстрировать, что с национальным угнетением покончено, все народы нашли достойное место **в братской семье**. Решению этой задачи была посвящена программа упорядочения федеративного устройства СССР (1929–1936), в ходе которой были учреждены, восстановлены, упразднены или изменили свой статус многие союзные республики и автономии. В результате этого все народы СССР, претендовавшие на государственный статус, его получили.

Обобществление и монополизация всех сфер народного хозяйства, означавшие в тогдашних представлениях его «перевод на социалистические рельсы», также были осуществлены (см. II.3.3.3).

Основные контуры нового проекта проявлялись постепенно, в процессе их отстаивания и превращения в общепартийный консенсус в ходе дискуссий и борьбы с «уклонами» (см. II.3.2.6). Но в голове его инициатора — Сталина — они, думается, уже сложились к моменту смерти Ленина.

Консолидированное государство, противостоящее посягательствам многочисленных врагов, должно утверждать историческую неизбежность своего существования. И видеть основания этого **в самом себе**, а не в целях, выходящих за его рамки и не нуждающихся в его сохранении по своём достижении.

Тезис первый: **Такое государство мы привыкли называть империей.**

Таким оно виделось Сталину и раньше, ещё при подготовке первой конституции.

Римская империя (как до неё и республика) обозначала себя формулой SPQR — Сенат и римский народ. В ней *сенат* с той или иной мерой условности обозначал *персону власти*. И пока империя не отказалась от двуединства этой формулы, она жила и процветала. В последующих империях акцент всё более переносился с народа на персону власти — до полного забвения народа. Великая война, ликвидировавшая самые могущественные империи предыдущей эпохи, вынесла исторический приговор: империй, не *опирающихся* на народ, а *использующих* его, больше не будет!

Тезис второй: **Новая империя должна быть народной.**

Новая империя должна в глазах всего мира и собственных граждан не уступать своим врагам в том, что *они* считают важным. Они считают важными гражданские и политические права. Но стать *народной* новая империя сможет, только если докажет своим гражданам, что стремится к тому же, что и они.

Тезис третий: Новая империя даст гражданам те же гражданские и политические права, что своим гражданам дают её враги. **Но гарантирует также права социальные и экономические, в чём враги своим гражданам отказывают.**

Права граждан защищает и обеспечивает государство. Если государства не станет, всех гарантированных им прав они лишатся. Граждане могут ответить на это, только приняв на себя важные для государства *обязанности*. Когда государству угрожают враги, его защита становится главной и неоспоримой обязанностью граждан. Воспитывать у них сознание этого — важнейшая задача государства.

Тезис четвёртый: **Новая империя вменяет своим гражданам обязанности, уклонение от которых является преступлением.**

Для воплощения проекта, выраженного вышеприведёнными тезисами, 7 февраля 1935 года ЦИК СССР создал Конституционную комиссию под председательством Сталина. Впоследствии тов. Бухарин утверждал, что является основным автором конституции. Если считать автором текста того, кто расставил правильные слова в правильном порядке, то он, возможно, был прав. Николай Иванович был грамотным, образованным человеком, пользовавшимся авторите-

том в партии, — разумно было *подбор слов* доверить ему. Но автором *идеологического документа*, каковым является конституция, следует считать того, кто определил его содержание. Поэтому правы те, кто назвал конституцию 1936 года *сталинской*.

Её называли также *Конституцией победившего социализма*, но и это неверно: что социализм в СССР победил и в основном построен, было заявлено ещё в 1934 году на пресловутом «Съезде победителей» — XVII съезде ВКП(б). В конституции про это нет ни слова, что правильно, потому что это уже состоялось, а конституция — она про будущее.

Проект конституции был опубликован для всенародного обсуждения, в котором приняло участие 75 млн граждан, внёсших более миллиона предложений (многие из них были в проект внесены). Конституция была принята VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 года.

Она провозгласила народное государство: «*Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся*» (ст. 3).

Она наделила его граждан общепринятым набором гражданских прав (ст. 125–128), всеобщим, равным и прямым избирательным правом (ст. 134), гарантированно свободным от любых цензов и ограничений (ст. 135). Тем самым был положен конец *диктатуре пролетариата* с её классовой дискриминацией и провозглашена *будущая* социальная однородность советского общества, в котором ***весь народ — это трудящиеся*** (ст. 3, ст.134). *Будущая*, потому что место ограничений политических прав по формальным признакам занятий и социальной принадлежности (в том числе бывшей) заняло общепринятое во всём мире ограничение: «*лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав*» (ст. 135). Тем самым ***окончательную очистку советского общества от чуждых ему и враждебных элементов должно было осуществлять правосудие***. Этот шаг некоторые деятели партии считали преждевременным, и нам остаётся лишь гадать о роли, которую сыграла эта конституционная норма в запуске «большой чистки» 1937 года.

Беспрецедентным стало провозглашение конституционных гарантий экономических и социальных прав граждан: на труд, отдых, материаль-

ное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности, образование, защиту материнства и детства (ст. 118–122).

Одновременно были объявлены обязанности граждан (ст. 130–135), среди которых защита отечества провозглашалась *«священным долгом каждого гражданина СССР, нарушения которого... караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние»* (с. 135). Причём **обязанность трудиться** не обусловлена конституцией, это моральный долг каждого (см. П.3.2.3).

Тем самым конституция 1936 года учреждала **народную империю**, которая (в сопоставлении с известными словами Александра III) могла опираться только на собственный народ, в котором черпали свою силу и армия, и флот.

Оставалось разобраться с ролью партии.

Сверх-власть *коллективной персоны* — большевистской партии — стала бесспорным фактом. Это не могло остаться за рамками конституции. И она провозгласила: *«Гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации..., а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»*²⁸⁸ (ст. 126). Тем самым конституция поместила партию в сферу **общественной самоорганизации граждан**, вынеся её таким образом из сферы государственных отношений.

Однако народное сознание всё равно уже сфокусировало своё представление о власти партии в лице **вождя**, «народного царя» — Ленина. Было ясно, что это представление — важнейший фактор консолидации народа, который нужно закрепить, сделать *постоянно действующим*. Способ это сделать известен со времён Римской империи: императора **обожествляли**, чтобы всем было очевидно — **его власть и воля присутствуют везде и всегда**. Поэтому *«Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой»*, и всякий может в этом убедиться, придя в мавзолей. Вопрос оформления преемственности власти позже также был решён:

²⁸⁸ Выделено нами. — Авт.

«Сталин — это Ленин сегодня»²⁸⁹. Чем было предreshено посмертное помещение Сталина в тот же мавзолей. Не может ускользнуть от внимания, что **римский образец был воспроизведён с буквальной точностью**: первым (посмертно) обожествлён был Цезарь — основатель нового государственного устройства (ещё консул и диктатор, а не царь и не император).

Итак, СССР, согласно конституции 1936 года, трансформировался в народную империю, основанную на социалистических общественных и экономических отношениях и возглавляемую народным монархом, преемственность власти которого определяется партией, выражающей волю народа.

И этот проект был успешно реализован, принесся плоды в виде Великой Победы и последующих политических, социальных и экономических достижений.

III.5.4. Конституция СССР 1977 года

Подготовку новой Конституции в 1962 году начала Конституционная комиссия Верховного Совета СССР под руководством Хрущёва. Её проектным замыслом первоначально было **построение коммунизма**, провозглашённое XXII съездом КПСС и положенное в основу принятой на нём новой программы партии. Примечательно, что именно эта «хрущёвская» редакция Конституции имела шанс не только *стать de facto* проектно-идеологическим актом, но и быть *провозглашена* таковым. В записке ЦК КПСС к её разработке говорилось: «Сталин, обосновывая проект Конституции 1936 года, говорил о коренном различии между Конституцией и Программой партии, что Конституция отражает то, что добыто и завоевано, а Программы провозглашают то, что предстоит сделать. Этот взгляд нельзя признать правильным. Между Конституцией Советского государства и Программой КПСС не может и не должно быть такого разрыва. Фиксируя достигнутые народом завоевания, Конституция одновременно должна показывать и перспективу развития социалистического общества и государства к бесклассовому коммунистическому обществу»²⁹⁰. При этом у Хрущёва и его

²⁸⁹ Статья Микояна, опубликованная 21 декабря 1939 года в газете «Правда».

²⁹⁰ ЦХСД, Ф. 5, оп. 30, д. 441, л. 18 (цит. по: Пыжиков А. В. Хрущёвская «Оттепель» 1953–1964 гг. — М.: Олма-Пресс, 2002). См. также: Крашенинников П. В. Со-

идеологических советников²⁹¹ была, похоже, внятная и логически последовательная концепция перехода к коммунизму, имевшая солидное теоретическое обоснование. Коммунизм понимался ими как **прямое непосредственное народное правление**, осуществлявшееся единой системой Советов народных депутатов, полностью контролирующей исполнительную власть и опирающихся на разнообразные формы «коммунистического самоуправления» с передачей общественным организациям ряда государственных функций во всех сферах жизни. Поэтому в проекте 1964 года речь шла уже об «общенародном государстве», «народных советах» и имелась отдельная глава «Прямое непосредственное народное правление».

Концепция закономерно предполагала даже прочную связь партии с государством. Проект Конституции в редакции 1964 года гласил: «Политическую организацию советского общества составляет Советское социалистическое общенародное государство. <...> Коммунистическая партия Советского Союза — партия всего народа — является руководящей и направляющей силой советского общества и *государства*» (ст. 4)²⁹². Здесь КПСС (как партия всего народа) прямо определялась как институт народовластия, **при этом её сверх-власть трансформировалась в государственную власть**. Можно предположить, что именно такая перспектива не устраивала тогдашних оппонентов Хрущёва в руководстве партии, видевших в этом «волюнтаризм». А вменённая ему «утопичность» проекта построения коммунизма состояла, в нашем понимании, всего лишь в нереальных сроках его реализации. Возможно, это была последняя попытка вернуть марксистско-ленинской идеологии её научные основания, и в **этом** состоял исторический смысл хрущёвского правления (см. II.3.4.1).

После отставки Хрущёва, отстаивавшего этот замысел, и особенно после событий 1968 года в Чехословакии, которые новые руководите-

ветское право. Итоги. Очерки о государстве и праве. 1962–1984. — М.: Статут, 2020. С. 71–72.

²⁹¹ Прежде всего Л. Ф. Ильичёв, бывший при Хрущёве секретарём ЦК КПСС, возглавлявшим Идеологическую комиссию ЦК, рабочую группу по подготовке предложений к проекту Конституции (то есть «технического задания» на разработку проекта), а также Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Закономерности развития социализма и перехода к коммунизму».

²⁹² Выделено нами. Цит. по: Крашенинников П. В. Указ. соч. С. 73.

ли КПСС не без основания восприняли как попытку на деле осуществить непосредственное народное правление, проект Конституции был надолго заморожен.

Именно эти события стали точкой невозврата, после которой догматизм в советской идеологии воцарился безраздельно и окончательно, что и предредило самоликвидацию политической монополии КПСС и крах советского проекта (см. II.3.4.5).

У тех же, кто возглавил идеологическую работу партии при новом руководстве, возник ряд фундаментальных трудностей, связанных с тем, что **непосредственное народное правление было снято с повестки дня**, в остальном же **реальный коммунизм был de facto уже построен** (см. II.3.4.1), а что **ещё следует достроить** до его «полной реализации» — было неясно.

Всё это побудило разработчиков Конституции принять **техническое** решение, по существу вернувшись к вышеупомянутой сталинской концепции²⁹³. Было признано, что **разработка и реализация проекта будущего — это прерогатива партии** и что проект этот уже нашёл определённое воплощение в Программе КПСС. Нужно просто установить **связь** между этими документами.

Поэтому в преамбуле новой Конституции достигнутое состояние общества было названо «развитым социализмом» и указано, что **«Высшая цель Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление»**.

А поскольку всё остальное про это сказала и должна была ещё сказать **партия**, в Конституцию была включена статья 6:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

²⁹³ В действительности мы не можем уверенно утверждать, принадлежала ли она Сталину или была *притисана ему*, чтобы, в духе времени, её *опровергнуть*. Ведь, как мы писали выше, Конституция 1936 года на деле была именно проектно-идеологическим актом.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, **Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества**²⁹⁴, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, **придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.**

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Эта формулировка недвусмысленно **выносила проектную функцию за рамки Конституции** и вместе с самой партией — за рамки государственного устройства вообще²⁹⁵. С партией от этого ничего не произошло — она осталась, как и была, *персоной сверх-власти*, стоящей вне и над государством. Но вот Конституция, утратив своё основное назначение, **уже не была Конституцией.**

Пикантная деталь состояла в том, что партия, в своё время приобретающая политическую монополию благодаря сознательному применению научного знания к социально-политической практике, громко заявила об этом как раз тогда, когда подлинно научное основание её власти иссякло, а **знание сменилось догмой.** И как раз это обстоятельство **не позволило партии справиться с проектированием дальнейших перемен в советском обществе и государстве.** Но, громко заявив об этом своём предназначении, партия *подставилась*, дала повод возложить на неё всю полноту ответственности потом, когда её бессилие стало очевидным. Организационно это выразилось в отмене статьи 6, что было равносильно упразднению всей политической Конструкции СССР и предрешило его исчезновение.

С момента принятия Конституции 1977 года СССР остался и без Конституции, и без источника развития, продолжая существовать лишь по инерции. Можно было бы удивиться, что инерции хватило ещё без малого на полтора десятка лет, если не понимать, что стойкость этой инерции была обусловлена коренными чертами советского **народного государства**, прочно встроенными в него при реализации предыдущего проекта и сохраняющимися по сей день.

²⁹⁴ Здесь и далее выделено нами. — *Авт.*

²⁹⁵ Следует сопоставить эту формулировку с проектом Конституции в редакции 1964 года (см. выше).

III.6. ПОСТСОВЕТСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

В период перестройки с учётом поправок, внесённых в Конституцию СССР, в СССР и в РСФСР были восстановлены в качестве высших представительных органов власти Съезды народных депутатов, на чём нам следует остановиться особо.

Съезды народных депутатов (первоначально — Съезды советов рабочих, крестьянских, солдатских (красноармейских) и казачьих депутатов) занимали центральное место в устройстве советских государств до 1937 года. В период революции и в первые последующие годы **советы** всех этих разнообразных депутатов были стихийно сформированными органами самоуправления соответствующих общностей: трудовых коллективов, городских и сельских поселений, административно-территориальных единиц (волостей, уездов, губерний), войсковых частей (полков, кораблей), соединений (дивизий, эскадр) и т. п. Они формировались членами общностей по собственному усмотрению, обычно вне каких бы то ни было избирательных процедур. Их полномочия не распространялись за пределы сформировавшей их общности. Необходимость вовлекать эти общности в скоординированные совместные действия побуждала революционные партии (которые в этом были единодушны) создавать **надстройку** над всеми этими советами — коллегиальные органы из делегированных советами *депутатов*. Это и были **съезды**, организующие **ad hoc** совместные действия представленных на них советов и стоящих за ними общностей. Доказав на практике свою действенность, съезды были востребованы большевиками в качестве инструмента организации единых действий многочисленных разнородных по составу сообществ. Поэтому именно съезды стали органами, принимавшими первые программные документы советской власти, и по мере налаживания государственного устройства подчинялись определённым процедурам (организации выборов, нормам представительства, регулярности созыва и т. п.). Но в качестве созываемых не по мере надобности, а регулярно они быстро доказали свою неэффективность и были упразднены Конституцией 1936 года.

Вот эту-то архаику нам и предложили деятели перестройки. Им, возможно, казалось, что они устанавливают (или восстанавливают)

народовластие, хотя на деле оно было установлено именно с упразднением съездов прежнего образца.

Тем не менее 12 июня 1990 года Первый Съезд народных депутатов РСФСР принял *Декларацию о государственном суверенитете РСФСР*. Хотя суверенитет союзных республик никогда не оспаривался и гарантировался Конституцией СССР, они были связаны необходимостью соответствовать Конституции СССР и союзным законам, принятым в соответствии с конституционной компетенцией. Декларация принципиально меняла ситуацию, провозглашая примат Конституции и законов РСФСР над союзным законодательством. Тем самым она открывала возможность независимого законотворчества. Первым делом в Конституцию РСФСР были внесены поправки, вводящие многопартийную систему, исключаящие упоминания о социализме и коммунизме, учреждающие Конституционный суд и должность Генерального прокурора, а также легализующие частную собственность с одновременной отменой обязанности *«беречь и укреплять социалистическую собственность»*, *«бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к народному добру»*²⁹⁶ (ст. 59). Из последующих поправок (1991 года) наиболее важной стало **введение должности Президента**, опиравшееся на результаты референдума и повлекшее далеко идущие последствия.

Несмотря на то что изменения государственного устройства, введённые этими поправками, могут показаться значительными, подлинного обновления Конституции не произошло, так как образ будущего в этих поправках отсутствовал.

Истинное значение этого этапа конституционного процесса состояло в том, что роль ***исторической России*** вернулась от СССР к России/РСФСР/Российской Федерации.

²⁹⁶ Что смешно, так как создаёт впечатление разрешения всем гражданам обзаводиться частной собственностью за счёт социалистической. Похоже, многие граждане это так и восприняли.

III.6.1. Конституционный кризис

Трудно сказать, почему большинство российских политиков, политологов и историков избегают называть *революцией* события, приведшие к распаду СССР и образованию на его территории новых государств. Между тем это была подлинная революция, от каких бы её теорий и определений ни отталкиваться.

Именно поэтому съезды народных депутатов оказались, как и в 1918 году, адекватным эпохе средством структурирования аморфного и многообразного политического пространства. Чему немало способствовала их беспрецедентная открытость для большинства граждан.

Но, как и тогда, их использование в качестве инструмента, с помощью которого власть могла бы управлять многоликим ансамблем общностей, было крайне сложным и требующим постоянной работы «в низах». Именно таким ансамблем стал советский народ, лишившийся *руководящей и направляющей роли* КПСС. Рудиментарная КПСС, отказавшаяся от власти, на такую работу была уже не способна, лишившись идеологической цельности и превратившись в конгломерат различных фракций и платформ. Иной же *партии, стремящейся к захвату и удержанию власти*, в стране не было. Как не было и вообще каких-либо партий, которым предстояло сформироваться именно на съездовских площадках.

Так что основные политические процессы, включая и этот, как при Октябрьской революции, развивались во многом стихийно и вызвали к жизни множество политических партий и движений, выражавших цели и интересы самых разных социальных групп. Но, в отличие от 1917–1919 годов, у них не было ни общей социалистической направленности, ни вездесущего большевистского присутствия, с которым нельзя было не считаться. Мы не усматриваем и иных факторов, которые могли бы содействовать консолидации каких-то значительных общественных сил. Эту задачу, в частности, не решили и группы, и отдельные *агенты иностранного влияния*. В том числе и потому, что на предшествовавшем этапе их главной задачей было как раз *разобщение* советского общества, то есть разрушение главной опоры советского *народного государства*.

В подобных обстоятельствах на первый план обычно выступает личностный фактор: *способность того или иного деятеля приоб-*

рести власть. В свете всего, что мы знаем о власти, она возникает из **доверия членов общности**, приобретаемого за счёт мобилизации возможно большего числа внешних и внутренних оснований власти (см. V.4.8).

Это прежде всего способность:

- ставить перед общностью задачи, понимаемые и разделяемые большинством её членов;
- доносить эти задачи до возможно более широкого их круга;
- использовать для этого максимальный набор средств прямой и косвенной коммуникации с членами общности.

А поскольку люди, стремящиеся к власти, присутствуют **везде и всегда**, вопрос был лишь в том, у кого из претендентов эта способность проявится сильнее.

Единственный общественный консенсус той эпохи с безупречной пронциательностью подлинного художника выразил — *скандировал* — Виктор Цой: «**Пе-ре-мен!** Мы ждем перемен!»²⁹⁷ Сюда укладывались и косметический ремонт советской системы, названный перестройкой (для одних), и радикальная смена политического строя (для других), и оздоровление экономики, при котором магазины наполнились бы товарами (почти для всех).

На этом фоне любой деятель, продемонстрировавший, что **может** совершать перемены и твёрдо **намерен** их продолжать, мог получить значительный **кредит доверия**.

Мы говорим «деятель», потому что он не мог быть «человеком с улицы» (условным Навальным или Зеленским), так как должен был **на деле** показать свою способность совершать перемены к лучшему, то есть иметь достаточное влияние при существующем порядке. Даже авторы реформаторских проектов вроде Явлинского и Сабурова, назначенные на высокие посты **специально для их реализации**, на

²⁹⁷ Не случайно эту песню, прозвучавшую на заре перестройки, ждала долгая жизнь и нелёгкая судьба, обусловленная тем, что её сразу же погрузили в политический контекст и продолжают беззастенчиво эксплуатировать силы, враждебные русскому государству. Хотя она, по недвусмысленным свидетельствам, выражала именно душевный настрой нации, а не её политическое состояние, которому ещё только предстояло складываться; см. например, https://aif.ru/culture/person/legenda_o_coe_kakih_peremen_na_samom_dele_hotel_geroy_pokoleniya

подобное доверие рассчитывать не могли, так как за их плечами не было таких практических доказательств.

И мы говорим «кредит», потому что впервые приобретённая (не унаследованная тем или иным способом) власть может располагать только таким доверием — предоставленным *авансом* и на том условии, что его придётся оправдывать *будущими делами*.

Волею Провидения таким человеком в России оказался Ельцин. При котором в *любом* магазине Свердловска *всегда* можно было купить вождленную *синюю птицу*²⁹⁸, о чём в других промышленных городах народ мог только мечтать, а поэтому знал и ценил это. Он показал и *упорство* в своих намерениях, за что удостоился опалы, и это народ тоже оценил по достоинству.

Так что свой кредит доверия Ельцин получил. Это выразилось и в его решительной победе на выборах Президента РСФСР, и в широкой общественной поддержке в его противостоянии ГКЧП. Но особенно значимым его подтверждением мы считаем предоставление ему в ноябре 1991 года V Съездом народных депутатов **фактических законодательных полномочий** «на период проведения экономических реформ», оптимистически ограниченный декабрём следующего года. В этом, конечно, выразилось то, что *сердца депутатов требовали перемен немедленно*. Но это было и первым неявным признанием того, что ни Съезд, ни даже Верховный Совет работать в необходимом темпе не смогут: обнаружилось, что на утрясание разногласий даже по незначительным вопросам уходит слишком много времени. И дело было даже не в том, что депутатских фракций и групп было слишком много, отсутствовал иной опыт «парламентской» работы, кроме унаследованного от СССР, не были проработаны процедурные вопросы. Дали о себе знать коренные ограничения возможностей Съездов народных депутатов (и вообще всей многоэтажной системы Советов): они годились для структурирования политической среды, но принимать решения не могли, в отсутствие *железной направляющей руки*, прямо указующей, кто прав, при возникновении разногласий. **Именно на эту роль и заявила в тот момент претензию президентская власть.**

²⁹⁸ То есть фабричного цыплёнка-бройлера. И это не легенда. Мы сами этим не раз пользовались.

Тут-то и выяснилось, что договориться о несогласии куда проще, чем о согласии. Неудивительно, что свою долю кредита народного доверия депутаты (*народные!*) считали преобладающей и на этом основании попытались его отозвать, не дожидаясь назначенного срока — уже на следующем съезде, в апреле 1992 года. Но Президент (*всенародно избранный!*) с оценкой их доли не согласился и добился дальнейшего расширения своих полномочий.

В различных сочинениях, принадлежащих даже участникам событий, можно встретить утверждения, что якобы в то время в России никаких реформ не осуществлялось, а были либо оперативные реакции на стихийно возникавшие проблемы²⁹⁹, либо действия под диктовку МВФ³⁰⁰. О том, как в действительности обстояло дело с «диктатом МВФ», написано в другом разделе (см. II.4.1.3), сейчас же нам важно понять, действительно ли эти реформы осуществлялись «без определённой цели»? Все подобные утверждения начали высказываться лишь по прошествии времени, так как современники событий точно знали, что цели и программа у реформ есть. В экономической части они были провозглашены Ельциным прямо на V Съезде народных депутатов. Напомним, кредит *народного доверия* был выдан ему за то, что он действительно был **намерен продолжать перемены**, осуществлять реформы. А чтобы никто в этом не сомневался, он возложил на себя ещё и обязанности председателя правительства, демонстрируя единство **своей государственной воли и планомерных действий правительства**. Это избавило Гайдара, фактически правительство возглавлявшего, от «холостого пробега» Явлинского и Сабурова,

²⁹⁹ Россия: ни плана, ни рынка / В. Медведев, Н. Чуканов, Д. Васильев. — М., 1998. Хотя сегодня это имя почти никому ничего не говорит, в начале 1990-х Чуканов Н. А. — основной автор альтернативной программы реформ, предложенной в ходе VII Съезда народных депутатов, поддержанной бывшими членами правительства Ю. В. Скоковым и М. Д. Малеем, но отвергнутой Ельциным. А что до *непредвиденных проблем*, то все знают: при начале любого **нового** дела не всё идет по плану. И Чуканов, бывший конструктор ракет, мог бы подтвердить это на собственном опыте. И любой работник Госплана тоже.

³⁰⁰ *Хасбулатов Р. И.* Преступный режим. «Либеральная тирания» Ельцина. — М.: ЭКСМО, 2011. Справедливости ради нужно сказать, что в своей более ранней и серьёзной публикации (Великая российская трагедия. В 2-х томах. — М., 1994) Руслан Имранович утверждал совсем иное.

такой безоговорочной поддержки не имевших³⁰¹. Но для Ельцина это было также элементом решения **его собственной задачи — централизации и концентрации власти**. Как и попытка сыграть роль КПСС в управлении Съездом и Верховным Советом.

Другим серьёзным вызовом, встреченным Ельциным на пути к решению этой задачи, стал так называемый «парад суверенитетов» разных территорий РСФСР. Бытует мнение, что он сам же его и спровоцировал, заявив якобы главам регионов: *«Берите себе столько суверенитета, сколько захотите»*. Но его подлинными словами было: *«Мы говорим Верховному Совету, правительству Башкирии: вы возьмите ту долю власти, которую сами можете проглотить»*³⁰², — с очевидным акцентом на выделенных нами словах. Иными словами, речь шла о перераспределении полномочий региональных и центральных органов власти РСФСР — на основе уже не общесоюзного стандарта, а практической целесообразности. Что было необходимо сделать ввиду того, что центральные органы теперь уже **суверенной** РСФСР должны будут перенять часть полномочий от союзных, передав часть своих прежних полномочий регионам. И это было сказано в апреле 1990 года, тогда как подлинный «парад суверенитетов» республик в составе РСФСР начался лишь в 1992-м. Тогда-то слова Ельцина вспомнили и переименовали. И на фугасе, заложенном тов. Свердловым под фундаментом российского государства, затлел фитиль.

Но когда это произошло, Ельцин сделал то же, что Сталин в 1936 году: не допустил выхода Татарской АССР из РСФСР³⁰³, только не через Политбюро, а через Конституционный суд. А затем провёл серию мучительных переговоров с руководством регионов, увенчавшихся 31 марта 1992 года подписанием **Федеративного договора**, состоявшего из трёх отдельных договоров *«о разграничении*

³⁰¹ Оба были поставлены в зависимость от председателя Совета Министров РСФСР, которым тогда был И. С. Силаев, имевший на реформы свою точку зрения. А Ельцин в то время был поглощён борьбой с Горбачёвым.

³⁰² Из выступления в Верховном Совете БашАССР, апрель 1990 года. См.: Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства. — М., 1995. С. 110–111.

³⁰³ На этот раз, конечно, Татарстана из Российской Федерации.

предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти»:

- «...суверенных республик в составе Российской Федерации»;
- краёв, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга;
- автономной области, автономных округов.

Вслед за этим VI Съезд народных депутатов сделал Федеративный договор частью Конституции Российской Федерации.

Но было ли заключение Федеративного договора действительно **конституционным актом**? То есть определял ли он **желательное будущее состояние** России?

Мы имеем основания считать³⁰⁴, что сам Ельцин **таким его не признавал** и считал весь этот исторический эпизод отчасти своим личным поражением.

Да, цель — сохранение территориальной целостности Российской Федерации — была достигнута, но какой ценой! Республики в составе Российской Федерации *названы* суверенными, и многие в самих республиках рассматривают это как *признание* их суверенитета. Исконно русские территории — края, области, столицы, искусственно созданные при советской власти квазиавтономии — получили почти такой же статус субъектов федерации — участников *договорного объединения*. А что происходит подчас с *договорными объединениями*, Ельцин сам только что убедительно всем продемонстрировал.

Условный и искусственный федерализм РСФСР приобрёл в Российской Федерации юридическое оформление и мог в результате стать реальностью. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Это была, вероятно, уступка сиюминутной неизбежности, **но не таким был в его глазах образ будущего России.**

Было бы сложно, не обращаясь к личным воспоминаниям, привести его прямые высказывания, подтверждающие это. Но дела были

³⁰⁴ Один из авторов лично принимал участие в переговорах, подготовке текста Федеративного договора, а также в последующем заключении субординированных по отношению к Федеративному договору межправительственных соглашений и договоров между отдельными органами власти Российской Федерации и субъектов федерации.

красноречивее слов: утверждение России в качестве **единственного правопреемника СССР** в международных отношениях (включая постоянное членство в Совете безопасности ООН) и в статусе ядерной державы. Даже принятие на себя основной доли обязательств по внешнему долгу СССР³⁰⁵ (что таило в себе немалые угрозы) — всё это указывает на принятый уже тогда курс к превращению России в могущественную державу, способную занять в мире место СССР.

И, по его представлению, для этого общая конструкция советского государства вполне подходила, только **место КПСС должна занять президентская власть**. Как мы уже отмечали, это он и пытался реализовать в отношениях со Съездом народных депутатов. Возможно, именно этим мотивировалась его непримиримость к компартии: *они не справились, поставили страну на грань выживания, но не оставили мыслей о реванше*. А значит, её следует запретить, уничтожить. Вполне по-ленински. Мог ли иначе рассуждать человек с его жизненным опытом и характером: русский советский человек, воспитанный партией, высоко поднявшийся в ней, видевший своими глазами её деградацию, непреклонный и обладавший непреодолимым стремлением к власти? Мы полагаем, что нет.

Он отдавал себе отчёт в том, что **такое устройство государства по сути является монархическим**. Россия была великой при императорах и при всемогущих вождах партии, а когда их не стало, величие она утратила. Похоже, что и себя он видел соответственно: народным монархом³⁰⁶ и спасителем России.

Таким был его образ будущей России, такой она должна стать при нём и такой остаться после него.

И если в отношениях с теми, кто стремился и мог воспрепятствовать этому *извне*, Ельцину приходилось вести демонстративно

³⁰⁵ Поскольку далеко не все постсоветские республики согласились принять на себя аналогичные обязательства.

³⁰⁶ Из уст достойного доверия очевидца слышали такую историю: в 1992 году в его честь давали приём в Париже, в эмигрантском дворянском собрании, где встречали с большим почётом. Но только до момента, пока не сообщили, что на приём прибыл «глава Императорского дома великий князь Владимир Кириллович». Тогда вся дворянская публика забыла про Ельцина и выстроилась шпалерами в ожидании. Задетый этим, он выбежал в патио и ходил там кругами вокруг фонтана, бормоча про себя: «Да как же так, я царь или не царь?»

дружелюбную и даже соглашательскую политику, к *внутренним* противникам и оппонентам Ельцин последовательно занимал бескомпромиссную позицию.

Эти-то противники и оппоненты³⁰⁷ к концу 1992 года захватили фактический контроль над Съездом народных депутатов и *окопались* в Верховном Совете. Пользуясь сохранившимися с советских времён прерогативами «высшего законодательного, распорядительного и контрольного органа», они попытались ограничить полномочия Ельцина, а затем просто стали отменять его решения. Одному из нас пришлось неоднократно «перелицовывать» отменённые указы, чтобы издать их повторно: вначале под другим названием и в новой компоновке, а потом после повторной отмены — разделив на части и дополнив постановлениями Совмина и ведомственными распоряжениями. В попытке обуздать депутатов Ельцин требует назначить референдум о доверии себе, что при данных обстоятельствах означало одновременно и недоверие им. После ожесточённой борьбы, включавшей попытку отрешения Съездом Президента от власти, референдум всё-таки проходит 25 апреля 1993 года. Он приносит половинчатый результат: подтверждено доверие Президенту, его политика одобрена, но в досрочных выборах депутатов отказано (требовалось квалифицированное большинство).

Сохраняется патовая ситуация, деятельность Президента и всей исполнительной власти почти парализована. Становится ясно, что **народу необходим ясный образ будущего страны — новая Конституция**. 5 июня начинает работу Конституционное совещание, созванное Президентом для её разработки. После этого Ельцин решает проверить, можно ли использовать для разрешения кризиса механизм новообретённого федеративного устройства страны. 18 сентября он созывает глав исполнительных и представительных органов субъектов федерации и предлагает образовать из них Совет

³⁰⁷ Не следует думать, что это были коммунисты, как утверждали в то время сторонники Ельцина и многие продолжают утверждать сейчас. Из 1068 народных депутатов в Съездах 1992–1993 годов участвовало не более 180 представителей левых при кворуме 628. Так что антипрезидентские решения принимались, конечно, при их участии, но в основном «демократами» разного толка.

Федерации — с прерогативами *верхней палаты* парламента³⁰⁸ и, в частности, правом отклонения решений Верховного Совета. Действовавшей Конституцией такой орган предусмотрен не был, но отдельные положения Федеративного договора можно было рассматривать как основания для его создания. Однако руководители регионов отказываются от этого предложения, лишней раз показав изъяны федерализма.

После этого становится ясно, что конституционные возможности преодоления кризиса исчерпаны, и 21 сентября 1993 года Ельцин издает указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», которым прекращает деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета, вводит временный порядок управления и назначает на 12 декабря выборы в новый законодательный орган — Федеральное Собрание.

В тот же день Президиум Верховного Совета объявляет эти действия противоречащими Конституции³⁰⁹ и влекущими автоматическое прекращение полномочий Президента. На следующий день Верховный Совет принимает об этом постановление и созывает внеочередной X Съезд народных депутатов. 24 сентября съезд, едва набравший кворум, объявляет о переходе президентских полномочий к вице-президенту Руцкому, назначает альтернативных силовых министров и досрочные выборы Президента и народных депутатов. Воодушевлённые этим сторонники депутатов выходят на улицы и 3 октября переходят к вооружённой борьбе.

Тут-то правда и вышла на поверхность. Ни один служащий силовых ведомств и не подумал подчиниться Съезду и назначенным им «министрам»³¹⁰. Введённые в Москву элитные войска обстреляли здание Верховного Совета («Белый дом») и взяли его штурмом, а городские служащие предварительно обесточили здание, чтобы снизить риск пожара.

³⁰⁸ Верховный Совет Российской Федерации состоял из двух палат (Совета Республики и Совета Национальностей), но они были *равноправными*.

³⁰⁹ Что подтверждает Конституционный суд.

³¹⁰ Тов. Бабурин утверждает, что якобы какие-то части поддержали Верховный Совет, основываясь на нескольких эпизодах перестрелки, происходивших при блокировании «Белого дома». Однако ещё тогда их расследовали и установили, что это был *дружественный огонь*: обстрел собственных войск по ошибке.

В ходе стихийных столкновений в Москве сторонникам депутатов противостояло значительно большее число граждан. За пределами Москвы ряд органов власти (главным образом представительных) высказался в поддержку Съезда, но от иных действий воздержался, а силовых столкновений не было вообще. После 4 октября порядок был повсеместно восстановлен в считанные дни. Это яснее всего показало, что реальная власть в России принадлежала Ельцину — *лично ему*, а не фигуре, формально занимающей пост Президента. Но двусмысленная или уклончивая позиция, занятая руководством некоторых регионов, очередной раз напомнила об угрозах, таящихся в федерализме.

Внести окончательную ясность могло только принятие новой Конституции.

По сути весь период «поэтапной конституционной реформы», завершившийся её принятием, следует рассматривать как заключительный акт *августовско-декабрьской революции 1991 года*, подобно тому, как окончание Гражданской войны в 1921-м было завершением *февральско-октябрьской революции 1917 года*.

III.6.2. Конституция Российской Федерации 1993 года

Конституционное совещание, упомянутое выше, было создано для разработки новой конституции по инициативе Ельцина. Им же, прямо или косвенно, определялся костяк его участников. И это притом, что уже существовал проект Конституции (так называемый «румянцевский»³¹¹), подготовленный Конституционной комиссией, созданной ещё в 1990 году I Съездом народных депутатов. Зачем же понадобилось готовить новый проект и создавать для этого новый орган?

Имелись, конечно, формальные основания: будучи органом Съезда, комиссия не могла продолжать работу, когда деятельность самого Съезда была прекращена.

Но куда важнее было то, что, формируясь всецело в орбите влияния Съезда, проект Конституционной комиссии постепенно воплотил популярные там идеи верховенства парламентской власти

³¹¹ По имени секретаря и фактического руководителя Конституционной комиссии депутата О. Румянцева.

и ограничения президентских полномочий, а Федеративный договор оставался, как и в действовавшей Конституции, его неотъемлемой частью. В разгар противостояния Съезда с Президентом — в марте 1993-го — проект даже предполагалось вынести на референдум именно в таком виде.

Работой же Конституционного совещания руководили «твёрдые ельцинцы»: зампред правительства С. Шахрай, член-корреспондент РАН С. Алексеев³¹² (бывший председатель Комитета конституционного надзора СССР) и мэр Санкт-Петербурга А. Собчак. Все трое — авторитетные юристы. Им Ельцин мог доверить адекватное воплощение своего проекта будущего России в новой Конституции. Ими же в основном определялся состав специалистов, привлекавшихся к работе Конституционного совещания. Пригласили, впрочем, и О. Румянцева с некоторыми другими членами Конституционной комиссии, чьи наработки нашли применение в новом проекте. Некоторые политические партии и отдельные группы специалистов представили Конституционному совещанию проекты конституции, разработанные ими по собственной инициативе. Базовый проект обсуждался в органах власти субъектов федерации, вносящих свои предложения, направлявших для работы своих представителей и экспертов. На разных этапах к обсуждению привлекались различные специалисты, представители политических партий, все они становились равноправными участниками Конституционного совещания, которых в общей сложности набралось более 800 человек.

Окончательная редакция была опубликована для всеобщего сведения и вынесена на всенародное голосование, которое состоялось 12 декабря 1993 года, одновременно с выборами в будущее Федеральное собрание.

Нет нужды подробно анализировать всё содержание Конституции. Мы остановимся лишь на её *проектных положениях*, которые составили суть наступавшего нового этапа развития российского государства.

Наиболее важные из них относятся к статусу Президента России.

Согласно наиболее распространённым классификациям типов республиканского правления, Россия считается *президентской* или

³¹² Которого мы склонны считать основным автором проекта.

полупрезидентской³¹³ республикой. Однако некоторые политологи считают её *сверх-* или *суперпрезидентской*. Этот термин употребляется, когда полномочия Президента в определённой степени затрагивают прерогативы *всех* ветвей и уровней власти. В отличие от классического разделения властей, при котором «сдержки и противовесы» обеспечиваются частичным взаимным перекрытием компетенций законодательной, исполнительной и судебной власти (см. «Лексикон»), здесь они сосредотачиваются именно в руках Президента. То есть нарушение нормального порядка вещей, превышение власти или злоупотребление ею, обнаруживающиеся в действиях любой из этих ветвей, могут быть устранены, исправлены или предотвращены именно Президентом. Он становится, таким образом, высшим арбитром в отношениях между ними. Он наделяется также исключительной компетенцией в определённых сферах деятельности, прежде всего в международных отношениях, обороне и безопасности, являясь, таким образом, и **главным защитником** государства в дни мира и войны.

Действительно, Конституция 1993 года все эти признаки содержит. А положение, что «Президент... определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» (ст. 80, ч. 3), прямо указывает, что Россией **правит** Президент.

Нетрудно усмотреть в таком государственном устройстве параллели с монархией, с тем лишь отличием, что здесь «монарх» правит страной временно, и это время Конституция строго ограничивает.

В дни работы Конституционного совещания нередко проводились параллели выработываемого проекта с конституцией Франции. И в этом нет ничего удивительного, так как именно Франция, неоднократно переходя от республики к монархии и наоборот, смогла выработать разумное сочетание положительных черт этих режимов, став в итоге классическим образцом **выборной монархии**.

Россией всю её историю — кроме кратких периодов смут и революций — правили монархи. Не было исключением и советское время, с той лишь особенностью, что тогда монархический принцип таился внутри «руководящего ядра» (1936), «руководящей и направляющей силы» (1977) советского общества. Черта под смутой

³¹³ По тому признаку, что хотя Президент и возглавляет исполнительную власть, но через отдельного главу правительства (премьер-министра).

1598–1613 годов была подведена возобновлением законной монархии, смуту 1917–1921 годов завершило воцарение «красных императоров». Ничто не могло лучше ознаменовать конец смуты 1991–1993 годов, чем восстановление в правах монархического принципа — основополагающего для русского государства.

А что монарха будут избирать — это для нас не новость: Борис Годунов и Михаил Романов были избраны (Земскими соборами), и «красные цари» — генсеки были избраны (партией). А теперь у нас будут цари **всенародно избранные**, прецедент уже создан.

Вторым важным *проектным положением* Конституции стала новая конструкция федеративного устройства.

Принципы федеративного устройства изложены непосредственно в тексте Конституции. **Федеративный договор перестал быть её частью**. Более того, согласно пункту 1 раздела 2 Конституции, он больше **не является конституционным актом** и наряду с другими возможными договорами может действовать лишь в части, не противоречащей Конституции. Такая трактовка окончательно подтверждена Конституционным судом (постановление № 10-П от 07.06.2000). Пределы его применения, в соответствии с названиями входящих в него договоров, ограничены *разграничением предметов ведения и полномочий между органами государственной власти* Российской Федерации и её субъектов (ст. 11, ч. 3).

В тексте Конституции отсутствуют какие-либо указания на то, что состав Российской Федерации и принадлежность к ней её субъектов могут основываться на договоре. Расширение состава Российской Федерации за счёт нового субъекта именуется *«принятием в состав»*, а не *«присоединением»* (ст. 65, ч. 2). Не допускается возможность выхода из состава Российской Федерации: *«Федеративное устройство Российской Федерации основано на её государственной целостности»* (ст. 5). Территория Российской Федерации включает в себя территории её субъектов (ст. 67), является целостной, неприкосновенной и всецело находящейся под суверенитетом Российской Федерации (ст. 4).

Так были устранены возможность какого-либо, даже гипотетического, «локального суверенитета» субъектов федерации, а также любые основания считать Российскую Федерацию *договорным объединением*. Тем самым были преодолены последствия драматического компромисса 1992 года и восстановлен **нераздельный федерализм** РСФСР.

И ещё один важный момент преемственности советского времени следует подчеркнуть. Состав социальных и экономических прав граждан, гарантируемых Конституцией, несколько не сократился. Хотя государство на тот момент таких гарантий предоставить не могло и состояние экономики не позволяло считать, что это станет возможным в ближайшем будущем.

Ультралиберальные критики считали недопустимым даже упоминание о таких гарантиях, поскольку-де лишь в обществе, где только сами граждане заботятся о своём благополучии, *Атлант сможет расправить плечи*. Другие — прагматики — называли такие гарантии проявлением популизма, так как считали, что они так и останутся на бумаге.

Но, помня о проектной сущности всякой конституции, мы считаем их прямой декларацией сохранения **народного характера** нового российского государства.

И наконец, нельзя не упомянуть об одном из самых критикуемых положений Конституции 1993 года — пресловутом «примате международного права». Оно состоит из двух норм: общей и частной.

Общая норма гласит: *«Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»* (ст. 15, ч. 4).

Частная же норма, с которой связано большинство нареканий, такова: *«Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты»* (ст. 46, ч. 3). Именно использование этой нормы при обращениях в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) и необходимость исполнять принятые им решения стали основным поводом для её критики. Но прежде чем разбираться с нею, нужно внести ясность в понимание общей нормы.

В обширном комплексе правил, именуемых «международным правом», следует различать две принципиально разные группы.

Первая из них вызвана к жизни, как и национальное право, практической необходимостью, прежде всего в сношениях (в том числе торговых) между государствами, их гражданами и организациями. Таковы дипломатическое и консульское право, морское и воздушное право, «гуманитарное право» (оно же «право войны») и т. п. Такое международное право покоится на естественных основаниях, главным образом — на обычае и на средстве обычаев у разных народов. К этой группе относятся и «общепризнанные принципы и нормы международного права» (они же «обычные нормы международного права» = *customary international law* или *jus cogens* = неустрашимые права) — их действительно соблюдают все, потому что с уклонившимися никто не будет иметь никакого дела. Они могут иметь параллели в национальном праве (разные у разных народов), а могут и не иметь — в зависимости от исторической традиции. Поэтому, чтобы не было путаницы, руководствуются международной нормой. А международные договоры в этой сфере заключают, чтобы избежать путаницы ещё в каких-то конкретных вопросах.

Другая группа правил, несмотря на такое же название, никакого отношения к *праву* не имеет. Кроме права *победителей* наводить порядок по своему усмотрению и в своих интересах. Потому что эти правила всегда рождаются по итогам большой и разрушительной войны. Вестфальская система подвела итог Тридцатилетней войны, «Европейский концерт» сформировался после победы над Наполеоном, а Ялтинско-Потсдамская система — после победы над Гитлером. В большой войне одного победителя не бывает, поэтому группа победителей и те, кто вовремя к ним примкнул, долго и мучительно согласуют вводимые правила, но согласовав — стараются по возможности их поддерживать, заключая для этого при необходимости какие-то дополнительные договоры (о нераспространении ядерного оружия, ОСВ и т. п.). Такие договоры тоже приходится соблюдать — их нарушение обходится себе дороже.

Так что в *общей* норме пока изъянов не видно.

И действительно, всех раздражает частная норма — про «права человека».

А эта область является пограничной между выделенными нами группами. Поскольку первоначальная постановка задачи о защите

основополагающих прав человека была вполне разумна. Только что созданный мировой арбитр — ООН — в самом начале своей деятельности, в 1948 году, оптимистично принимает *Всеобщую декларацию прав человека* — **рекомендательный документ**, разъясняющий само понятие и рассчитанный на то, что народы и государства проникнутся его духом, отчего государства предоставят своим гражданам эти права, а народы будут радостно ими пользоваться. Первыми — в 1949 году — этому призыву последовали европейцы, создав для этого Совет Европы и выработав в его рамках *Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод* и особый механизм защиты объявленных ею прав, известный ныне как ЕСПЧ. Который до сих пор остаётся единственным работоспособным подобным органом, хотя его и пытаются клонировать.

Но с другими странами не вышло. Тогда в 1966 году ООН принимает уже **обязывающий международно-правовой документ** — *Международный пакт о гражданских и политических правах*, дав государствам ещё 10 лет на то, чтобы одуматься и подписать его. В СССР долго думали, как с этим быть, но в 1973-м всё-таки подписали, одновременно предложив созвать Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, чтобы там-то обо всём и договориться. И даже вроде бы договорились, заключив пресловутые *Хельсинкские соглашения*.

«Ага! — сказал где-то кто-то. — Попались!» И с этого момента у «прав человека» началась другая история. Потому что, подписав *пакт и соглашения*, мы заключили международные договоры, прямо касающиеся положения граждан нашей страны. И теперь стало возможным доказывать, что мы их не соблюдаем, и оказывать на нас всяческое давление. И, как всегда в споре о праве, одна сторона доказывает одно, а другая — другое. Так что нужен **судья**. А где его взять? ООН на эту роль не подошла. Нападки и препирательства шли до самого распада СССР и, вероятно, отчасти приблизили его.

Так что международно-правовые обязательства по правам человека **принял на себя Советский Союз по воле КПСС**. Провозгласив себя правопреемником СССР в международных отношениях, Россия обязана была с этим считаться. Поэтому при написании Конституции решили, что **судья всё-таки должен быть**.

Но не подумайте, что имелся в виду ЕСПЧ! Должен был появиться «правильный» судья, с юрисдикцией на всём пространстве бывшего

СССР. Сразу же началась подготовка *Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека* со **своим** арбитражным органом — *Комиссией СНГ по правам человека*. Однако Конвенцию в 1995 году подписали далеко не все члены СНГ. И вот в 1998-м, когда она вступила в силу, Россия вдруг присоединяется к *Европейской конвенции*, что означает признание юрисдикции ЕСПЧ! Правда вышла наружу только в 2001-м, когда Совет Европы официально не рекомендовал своим членам и тем странам, что намереваются в него вступить, присоединяться к *Конвенции СНГ*, так как она-де не обеспечивает должного уровня защиты нарушенных прав³¹⁴. Но *неофициально* это было доведено до сведения всех, кого это касается, ещё в 1996 году. После чего ряд стран СНГ, подписавших *Конвенцию*, не стал её ратифицировать. В результате ***международный суд по правам человека для постсоветского пространства не состоялся***.

Так что присоединение к *Европейской конвенции* не только не планировалось при создании Конституции, но и было, скорее всего, шагом вынужденным. И теории заговора³¹⁵, которыми обросла эта история, совершенно беспочвенны.

Что, впрочем, не умаляет проблем, порождённых этим шагом. Дело в том, что национальное законодательство «старых» членов Совета Европы по части прав человека довольно единообразно. И правоприменительная практика тоже, в чём присутствует вклад самого ЕСПЧ, 70 лет старавшегося её унифицировать. Законодательство же и правоприменение в постсоветских странах устроены иначе, что в соприкосновении с практикой ЕСПЧ само по себе создаёт множество коллизий. А их можно толковать по-разному — по усмотрению судей. Если же судьи предвзяты, их решения легко приобретают политическую окраску.

³¹⁴ Что, пожалуй, верно: создать орган, столь же процессуально эффективный, как ЕСПЧ, пока никто не смог, а он непрерывно работает уже 70 лет.

³¹⁵ Кое-кто видит в появлении этих норм происки США из-за того, что якобы «в разработке Конституции принимало участие USAID», однако это утверждение позаимствовано с официального сайта этой организации. В действительности USAID оплачивало работу экспертов разных специальностей в рамках программы технической помощи правительству России, а как их использовать — определяло само правительство. Как именно использовали экспертов, мы уже писали (см. II.4.1.3), а в своих отчётах USAID о проделанной работе они писали то, что хотели или чего от них ждали.

Это, к сожалению, и произошло, лишний раз подтвердив, что *изделие*, создаваемое согласно хорошему проекту, не всегда и не во всём оказывается столь же хорошим. Это верно даже в отношении сугубо технических проектов, при реализации которых человеческой мысли и воле сопротивляются только косная материя и несовершенство нашего знания о ней. И уж тем более это справедливо для проектов политических, реализация которых представляет собой столкновение и противоборство замыслов и воль многих действующих лиц. Так что расхожие упрёки первой постсоветской Конституции России в декларативности (в Конституции, мол, одно, а в жизни — другое) выдают просто непонимание этими критиками природы конституции как проектно-идеологического документа.

Принятая при Ельцине Конституция определяла желательное направление ближайшего развития нашего государства. На практике же что-то стало реальностью, что-то (ещё) не стало, а что-то следовало отбросить как не вписавшееся ни в жизненные реалии, ни в дальнейший ход проектной мысли.

Заняв пост президента, Путин унаследовал *эту* Конституцию. И первые два президентских срока он занимался буквально претворением в жизнь основных её проектных идей. И это понятно: ведь доверие ему — доселе отнюдь не публичному деятелю, как и до него Ельцину, было предоставлено народом *в кредит*.

По букве Конституции 1993 года Россия должна была стать, как сказано выше, суперпрезидентской республикой, что предполагало высокую степень концентрации власти в руках Президента. Однако на момент прихода Путина на этот пост власти у него почти не было. Фактическая же власть крылась в недрах олигархической и кланово-региональной «вольниц»: ею обладали многочисленные группировки, некоторые из которых были орудиями внешнего (западного) управления. Собрать власть под Президентом следовало аккуратно, но твёрдо, последовательно и — по разным направлениям — согласованно, если не одновременно. Власть следовало эмансипировать (освободить) от наброшенных на неё «скрытых сетей внешнего управления» и тем самым суверенизировать государство как форму существования и воспроизводства власти. Поэтому одни группировки были лишены прежнего влияния (или даже устранены), а другие — поставлены под контроль (см. II.4.2). Последнее было осо-

бенно трудной задачей, так как имевшуюся у них фактическую власть нужно было «приспособить к делу», **перенацелить на достижение общегосударственных целей**. А для этого требовалось в первую очередь продолжить реализацию провозглашённого Конституцией **нераздельного федерализма**. Именно этому служили и продвижение в регионы непосредственных проводников президентской власти (как в роли полномочных представителей, так и в роли высших должностных лиц субъектов федерации), и неуклонное требование полного соответствия Конституции региональных конституционных актов.

После самоликвидации политической монополии КПСС российское *народное государство*, созданное партией, выжило и, несмотря на все трудности и проблемы, смогло обеспечить и выживание нашего народа.

После распада СССР государство было слабым, причём самому жёсткому испытанию подверглась сама его *народность*. И Путин строил хозяйственную систему страны прежде всего как систему народного жизнеобеспечения. Принудительный демонтаж «Юкоса» был направлен не столько против преступных намерений «захвата власти в государстве» (как считают некоторые), сколько против недопустимой управленческой практики, преступно подрывавшей финансовую основу государства. Это было сделано ради создания надёжного порядка формирования государственных доходов. Налоги надо платить. Досужие разговоры о том, что с ценой на нефть Путину повезло и якобы поэтому мы выстояли, не касаются сути дела. Потому что рост цены на нефть нам никак бы не помог, если бы нефтяные компании по-прежнему присваивали то, что следовало платить в бюджет. По сути, заставляя платить налоги, Путин в первые два президентских срока превратил сырьевой сектор, независимо от форм собственности его предприятий, в систему *жизнеобеспечения народа*. Поскольку жизнеобеспечение народа не сводится, как часто утверждают, к социальным гарантиям, предусмотренным Конституцией, а характеризуется общим уровнем его *благополучия*. Его же рост произведен от развития народного хозяйства и от роста его доходности. Доходностью Путин и занялся в первую очередь. И даже кризис 2008 года, который Путин встретил уже на посту премьер-министра, был пройден без социальных катастроф. А беспрецедентное в нашей постсоветской истории решение использовать резервы Центробанка для плавного, а не скачкообразного снижения курса

рубля дало время на адаптацию к меняющимся условиям не только импортирующим отраслям российской экономики, но и гражданам, имевшим рублёвые сбережения.

В целом же формирование действенных институтов власти, существенное повышение управляемости государства как важнейшего инструмента власти, укрепление финансовой базы государства и оздоровление экономики позволяют говорить о завершении формирования **внутреннего (внутриполитического) суверенитета** России. Непосредственным признаком этого является стабильно высокий уровень народного доверия власти президента Путина, выразившийся также в повторном избрании его на этот пост в 2012 году: первоначально предоставленный **кредит доверия был им выплачен полностью**.

Значительный прогресс был достигнут и в формировании **внешнего (внешнеполитического) суверенитета** России. Публично на весь мир Путин заявил о его реальности в Мюнхенской речи 2007 года. Сделанное на исходе второго президентского срока заявление не было всерьёз воспринято нашими внешними оппонентами: что её слушать-то, эту *хромую утку*³¹⁶. Они уже ожидали «благоприятных», с их точки зрения, изменений.

Но Россия доказала справедливость утверждений Путина делами следующего президента — Медведева, — обуздав агрессию Грузии, и продолжила доказывать с возвращением Путина — присоединением Крыма и антитеррористической операцией в Сирии. Можно утверждать, что внешний суверенитет России вполне оформился и был подтверждён к концу 2015 года успешным противостоянием экономическим санкциям, когда осталась несостоятельной угроза президента США Обамы «порвать в клочья» экономику России.

Барак Хусейнович был не первым западным политиком, который в отношении России «попал пальцем в небо». По их определениям мы с момента распада СССР побывали и «Верхней Вольтой с ракетами», и «остатком советской империи, обречённым на дальнейший распад» (1990-е), и «страной-бензоколонкой» (2000-е), и «заурядной региональной державой» (2010-е). В целом все оценки нас

³¹⁶ Так в современной американской политической фразеологии называют президента на исходе доступного срока правления, когда считается, что ему уже не хватит времени самостоятельно исполнить заявленное.

Западом Россия опровергла и заявила о себе как об одном из тех 3–5 геополитических игроков, которые будут определять судьбы мира в XXI столетии.

За 20 лет (с учётом тандема) пребывания Путина у власти не только были реализованы основные положения Конституции 1993 года, но и сложились **новые ориентиры дальнейшего развития России**: укрепление отвоёванного **суверенитета** и утверждение (восстановление) подлинной **народности нашего государства**. Здесь в понятие *народности государства* входят совершенствование присущего ему особого механизма народовластия, консолидация многонационального русского народа и всех его здоровых общественных сил, возвращение на путь модернизации народа.

Чтобы решать эти задачи, нужно, с одной стороны, зафиксировать достигнутое, а с другой — сформулировать основные идеологемы, задающие стране курс движения в будущее, ведь *вектор движения* задают его исходная точка и направление. Возникла необходимость внесения содержательных изменений в Конституцию.

III.6.3. Конституция России 2020 года

Формально мы говорим о **внесении поправок** в действующую Конституцию. Но, как мы уже отмечали, способы оформления новой Конституции могут быть разными. В данном случае масштабы и значимость внесённых поправок позволяют уверенно говорить о **новой Конституции**. Однако она не отменяет ничего из достигнутого, утверждает правильность сделанного и задаёт направление дальнейшего движения. Так что её принятие в форме поправок вполне обоснованно.

В нашу задачу не входит детальный анализ самих поправок — доштные юристы делают это без нас. Мы же собираемся восстановить из сухой юридической прозы их **идеологические смыслы** — то главное, что должен понимать каждый гражданин, намеренный вместе с народом и страной сознательно участвовать в строительстве общего будущего.

III.6.3.1. Территория и суверенитет

Мы уже писали о неразрывной связи нашего народа с территорией страны (см. II.3.3.3). На Западе постоянно звучат призывы к её

расчленению, часто маскируемые под «прогнозы» её якобы неизбежного распада «под давлением внутренних противоречий», которые в действительности оттуда же и разжигаются. России предъявляются и конкретные территориальные претензии, находящие подчас громкоголосую поддержку подрывных элементов внутри страны. И даже, несмотря на доктрину *нераздельного федерализма*, провозглашённую Конституцией 1993 года, невежественные умы продолжают питать беспочвенные иллюзии на этот счёт просто потому, что наша страна **называется** «федерацией».

Нужно ли кому-то объяснять природу *единства и неделимости* русской земли? Можно ли это кому-то объяснить? Наша цивилизация в отличие, скажем, от западноевропейской и сходно, например, с китайской³¹⁷ **росла** вместе с нашей землёй подобно дереву. Она **не составлена** из множества культурных ареалов, «*малых родин*», а **образовала их внутри себя**. Русскому человеку объяснять это не нужно: в какой ещё национальной поэзии вы найдёте подобные образы бескрайней, многоликой и родной Отчизны? Человеку, сформировавшемуся в лоне иначе устроенной цивилизации, это объяснить нельзя. Как и *номинальному* русскому, отрёкшемуся от своих корней или забывшему их. Им можно и нужно лишь **объявить** об этом. Поэтому новая Конституция устраняет всякую возможность сомнений относительно возможности отторжения каких-либо частей территории России (ст. 67, ч. 2.1).

Основания этого тоже объявляются для всеобщего сведения — **историческая преемственность**. Это не «правопреемство»: Россия прямо провозглашена правопреемником СССР (ст. 67.1, ч. 1), но СССР не был правопреемником Российской Империи. Он прямо заявил об этом, отвергнув её обязательства как по международным договорам, так и по долгам. Поэтому в части 2 той же статьи провозглашается **исторически сложившееся государственное единство** России как результат всего её развития. И подчеркивается **цивилизационная**³¹⁸ **природа** этого единства (ст. 68, ч. 1 и 4; ст. 69, ч. 2 и 3). Удастся ли

³¹⁷ Не потому ли китайцы так любят русские песни?

³¹⁸ Конечно, слово «цивилизация» в Конституции не употребляется за отсутствием у него общепринятого значения, но в терминологии **нашей** книги речь идёт именно о ней.

на этой основе прекратить «войну памятников» и добиться, чтобы Николай II покоился с миром в Петропавловском соборе, а Ленин — в своём мавзолее, чтобы на площади Ульяновска мирно соседствовали памятники Ленину и Столыпину? Мы хотели бы верить, что удастся, во всяком случае Конституция указывает нам этот путь.

Причём последняя из упомянутых частей выражает намерение поддерживать ***единство всего пространства русской цивилизации***, границы которого, как мы уже писали, драматически разошлись с государственными границами России (см. II.3.3.3). То есть осуществлять свой суверенитет — насколько это будет возможно — на всём этом пространстве³¹⁹.

Но в первую очередь новая Конституция устраняет возможность любых попыток «внешнего управления» Россией и создаёт ясные механизмы осуществления её суверенитета на собственной государственной территории. Для этого недостаточно было просто освободиться от «приводных ремней» внешнего управления — компрадорских элементов у власти и в бизнесе, о чём сказано выше, нужно ещё и ***не допускать их возрождения в будущем***. Отныне ***ни один гражданин России, чьи центры жизненных интересов находятся за её пределами, не сможет оказаться причастным ко власти*** в качестве государственного служащего, депутата, судьи и т. п. (ст. 71, 77, 78, 81, 95, 97, 103, 110, 119, 129).

И наконец, становятся неосуществимыми попытки ***использовать межгосударственные и надгосударственные органы*** (не только пресловутый ЕСПЧ, но и органы любых международных организаций³²⁰) ***для неконституционного влияния*** на правопорядок, политические и общественные процессы в России (ст. 79, 125).

И два совсем небольших штриха. Во-первых, члены обеих палат парламента не будут больше собираться вместе «для заслушивания...

³¹⁹ Это, вероятно, и есть причина упреков в «агрессивности России», хотя таких упреков те же лица почему-то не предъявляют США, пытающимся осуществлять свой суверенитет во всём мире. Хотя, в отличие от США, мы в этом отношении не демонстрируем никакой экспансии, ведь границы русской цивилизации остаются теми же, что и в позапрошлом веке. И как бы в противовес этим упрекам в Конституцию включена новая статья 79.1, декларирующая приверженность России «поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов».

³²⁰ А это и Союзное государство, и Евразийский союз, и ОДКБ.

выступлений руководителей иностранных государств», чтобы ни у кого больше не было соблазна ездить к нам *инструктировать народных избранников* (ст. 100, ч. 3). Во-вторых, открыто и *неполиткорректно* для западного слуха названа в качестве общегосударственной задачи «защита института брака как союза мужчины и женщины» (ст. 72). Мы, конечно, и до сих пор его защищали, но *гусей старались не дразнить*. Теперь же время оглядок прошло.

Это, конечно, не исчерпывающие и не окончательные меры по обеспечению внутреннего суверенитета, но в любом случае они определяют направление дальнейшего движения: теперь любой гражданин, намеренный делать карьеру в политике или на государственной службе, трижды подумает, так ли для него привлекательны тёплые моря и «западный образ жизни». А к ним, Бог даст, подтянутся и другие: это у нас хоть и плохонькая, но элита. Да и *Запад нам поможет*, с удовольствием конфискуя имущество российских компрадоров (явление довольно новое, но уже приобретшее заметный размах). Так, собственно, и воплощаются в жизнь конституционные проекты.

Так что в этой части Конституция ведёт Россию из состояния *объекта воздействия* в состояние *субъекта действия*. Именно это и называется суверенитетом.

III.6.3.2. Президентская власть и народовластие

Многие положения новой конституции служат усилению президентской власти — тому, что выше мы назвали *монархическим принципом*. Ключевым способом его реализации становится концентрация в руках Президента *кадровой политики*.

Все высшие должностные лица теперь назначаются Президентом или одной из палат парламента — *по его представлению*.

Пал последний реликт исключительной парламентской власти — Счётная палата. Напомним, что Контрольно-счётная палата РСФСР в 1992 году — в разгар противостояния Президента и Верховного Совета — была превращена в орудие в руках последнего. И Конституция 1993 года сохранила этот принцип: все аудиторы Счётной палаты самостоятельно назначались, на паритетной основе, Советом Федерации и Государственной Думой. И хотя с определённого времени их кандидатуры вносились от имени Президента, такое право сохранялось и за самими палатами — их бюджетными

комитетами. Теперь же не только кандидатуры всех аудиторов, но и — персонально — председателя и заместителя председателя Счётной палаты могут быть представлены только Президентом (ст. 102–103).

Председатели Конституционного суда, Верховного суда и их заместители теперь также будут персонально назначаться Советом Федерации по представлению Президента (ст. 128), тогда как раньше их выбирали судьи из своего состава.

А Генеральный прокурор, его заместители и прокуроры субъектов федерации теперь будет *назначаться* Президентом «после консультаций с Советом Федерации» (ст. 129). Остальных прокуроров теперь также будет назначать Президент, кроме городских и районных, которых оставили Генеральному прокурору. В результате прокуратура заметно сместилась от судебной к исполнительной власти³²¹.

В довершение всего Президент теперь наделён правом *увольнять* (прекращать полномочия) всех должностных лиц, кроме судей всех судов выше городских и районных, о которых он вносит соответствующие представления в Совет Федерации.

Назначение/избрание глав субъектов федерации по представлению Президента в Конституцию не попало, хотя уже стало привычным.

Так что теперь в России кадры решают всё, а кто они — решает Президент.

Впрочем, за одним важным исключением — *кроме членов правительства*, о чём и пойдёт речь дальше.

Рассмотрим подробно новую процедуру формирования правительства (см. диаграмму ниже; мы думаем, «цифровому поколению» легче будет разобраться в ней с помощью блок-схемы).

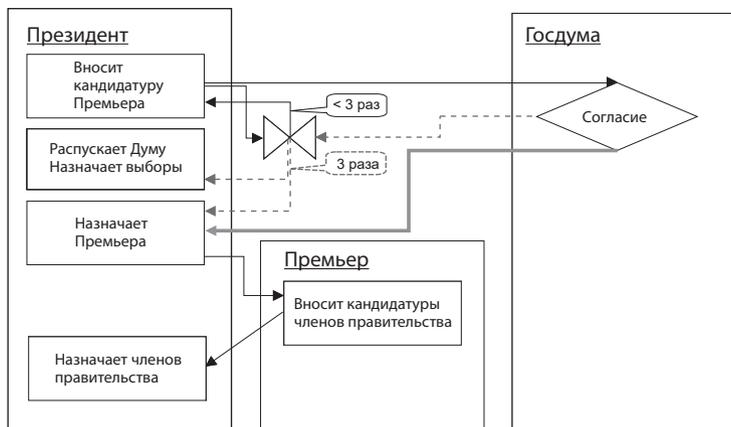
Сбылась мечта воротил самой первой Государственной Думы — «ответственное правительство», но совершенно в ином виде. Они мечтали, что одобренное правительство будет отвечать перед *ними*, а сами они *ни перед кем* не будут отвечать.

Теперь Государственная Дума не только *утверждает* кандидатуру главы правительства, но и ведёт *с ним* переговоры о его составе, ведь ей предстоит *утвердить* предлагаемые им кандидатуры членов

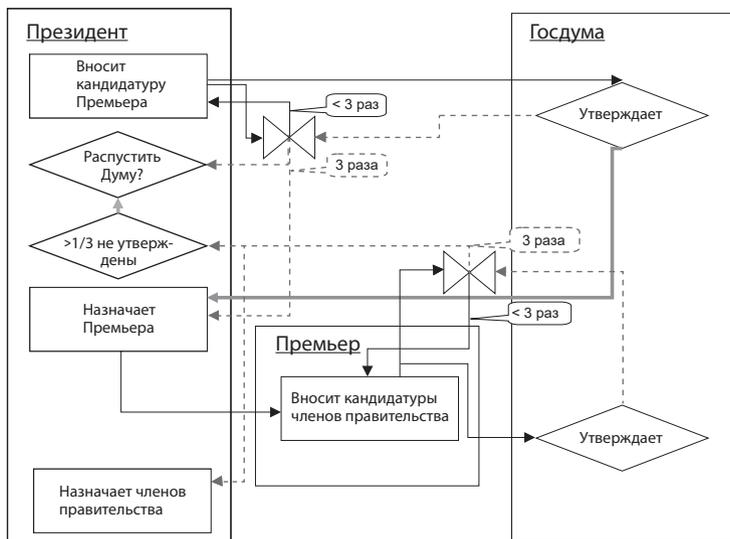
³²¹ В мире существуют обе модели устройства прокуратуры: в англосаксонских странах она — часть судебной системы, обеспечивающая публичное обвинение; на континенте, начиная с её появления во Франции XIV века, она является контрольно-надзорной ветвью верховной власти.

Взаимодействие Президента и Государственной Думы при формировании правительства

Было

Стало

→ «ДА»
 - - - - - «НЕТ»

правительства³²². Да, оно будет отвечать перед Думой, но и сама Дума **разделит с ним ответственность!** Ведь депутаты не просто «не стали возражать», а сами активно участвовали в отборе кандидатов: назначенный **ими** Премьер обсуждал кандидатов **с ними**, а не с Президентом, как раньше. Если правительство не справится с работой, Президент может его отправить в отставку. А вот с их ответственностью как быть?

В истории известен пока лишь один способ привлечения к ответственности парламента (и вообще любого коллегиального органа) — **ропуск, разгон, ликвидация** (вплоть до физической ликвидации входивших в него лиц). Масштаб его применения в конкретных случаях обычно пропорционален тяжести вменяемой ему вины, опыт практического применения (*ликвидация с последующим разгоном*) у нас есть. Но Конституция предусматривает самый мягкий вариант: роспуск с объявлением досрочных выборов.

Основания для этого, предусматривавшиеся Конституцией 1993 года, в новой редакции сохранены. Но смысл одного из них радикально изменился: двукратное выражение Государственной Думой недоверия **ею же утвержденному** правительству — это *явка с повинной*, признание собственной неспособности к управлению государством.

Но есть и более важное новшество: при формировании состава правительства Думу сразу же *ставят на счётчик*: сколько кандидатов на каждый пост было отклонено и сколько постов остались незанятыми после трёхкратного отклонения предложенных кандидатур. Если их окажется больше 1/3 от общего числа подлежащих утверждению членов правительства³²³, значит, с задачей не справляется или Премьер, или сама Дума. Президенту остается лишь решить — кто? И если сочтёт нужным, вернуть виновника в первоначальное состояние: несостоявшегося премьера — в кадровый резерв или бывших депутатов — в гущу народной жизни.

Как мы уже писали (см. II.4.2.3), политическая система современной России строилась так, чтобы большинство депутатов Государственной Думы **действительно** выражало устремления большинства

³²² Кроме министров силового блока, которых, как и прежде, сразу назначает Президент.

³²³ То есть, напомним, без силовиков.

народа, а не властных элит. Но помимо этого депутаты должны быть людьми компетентными и способными к политическому действию. Если выбрали «не тех людей», роспуск Думы должен сигнализировать об этом самим избирателям и, конечно, общественным и политическим объединениям, работающим *на земле*. То есть быть не призывом к ротации элит, а своего рода *педагогическим приёмом* в процессе **обучения народа сознательному участию в политической деятельности**. В чём, по нашему мнению, и состоит новый этап модернизации народа: на смену «народной политике» советской эпохи должен прийти «политический народ».

Это не «гражданское общество»: сообщество «политических животных», стоящих каждый сам за себя, которыми поэтому без особого труда «демократически» управляют выращенные элитами демагоги. «Политический народ» — это **гражданская нация**: общность людей, ясно понимающих, в чём состоит баланс общенародных задач и их частных интересов, **солидарных** в стремлении его достичь и готовых, если понадобится, противостоять стихийному эгоизму. Ключевым в этом определении является слово «солидарность», и не случайно оно появляется в новой конституции: «В Российской Федерации... обеспечиваются... экономическая, политическая и социальная солидарность» (ст. 75.1). **Только такой народ способен к подлинному народовластию.**

Конечно, для того чтобы достичь такого состояния, нужно, чтобы политическая система проработала в описанном режиме достаточно долго. Чтобы значимые политические результаты достигались опорой на реальное большинство, а не на политтехнологические приёмы. Народовластие — это не то, что мы имеем сейчас, а то, что планируем получить в результате. Так что включение нужных для этого механизмов в конституцию вполне оправданно.

Но мы обнаруживаем в новой конституции ещё один педагогический приём, более быстродействующий и рассчитанный непосредственно на народных избранников. Он состоит в изменении соотношения представительной и судебной власти.

Повышена роль Конституционного суда: теперь от его решения (заключения) может зависеть не только исполнение, но и **принятие** федеральных законов, конституционных актов субъектов федерации.

Не секрет, что выросшие из сложных компромиссов «рукодельные» формулировки³²⁴ некоторых законов содержат скрытые противоречия (между собой, с нормами других законов и самой Конституции), так как при достижении этих компромиссов разногласия лишь маскировались, а не устранялись. По вступлении таких законов в силу ими всё равно приходится заниматься Конституционному суду, но уже после того, как они породили неправосудные решения, повлиявшие подчас на судьбы многих людей. Возобновление работы над принятыми обеими палатами законами, возвращёнными без подписания на основании позиции Конституционного суда, способно стать для депутатов и сенаторов подлинной школой законотворчества.

Поскольку привлечение Конституционного суда позволило решить одну из самых наболевших проблем Конституции 1993 года — проблему исполнения решений межгосударственных (надгосударственных) органов (см. выше), было вполне естественно ввести в его компетенцию рассмотрение международных соглашений *до их ратификации*, дабы избежать возникновения подобных проблем в будущем. А это тоже школа, но уже для наших дипломатов, подчас упускающих правовые тонкости в ходе политических манёвров.

Обсуждая изменения в конфигурации власти, нельзя пройти мимо судьбы положения Конституции 1993 года о возможности находиться на посту Президента не более двух сроков подряд. Уже после первых двух сроков народ поддержал бы возможность переизбрания Путина на третий срок, объяви он референдум. Однако Путин не стал этого делать, и наступило время «тангема». Именно тогда были приняты первые поправки к Конституции. Они касались изменения сроков полномочий Президента с четырёх до шести лет и Государственной Думы с четырёх до пяти лет. Необходимость таких изменений была очевидна для большинства народа и для политиков. Увеличение срока для такой страны, как наша, это прежде всего возможность разрабатывать и реализовать сколь-нибудь долгосрочные планы и проекты развития. Это тем более очевидно с точки зрения сегодняшнего дня. Например, какой трёхлетний бюджет страны можно принять, если

³²⁴ Некоторые из них настолько чудовищны, что даже правовому департаменту Госдумы не удаётся с ними справляться.

и депутаты, и Президент находятся у власти всего четыре года? А такие многолетние программы, как перевооружение, вообще становятся почти неосуществимыми.

И всё же при разработке последних поправок слово «подряд» было устранено. Вряд ли это означает отказ от долгосрочных проектов. Скорее это способ привлечь внимание следующих президентов к **проблеме преемственности власти**. Эксперимент с «танемом» показал, что такая преемственность в принципе возможна, но одного срока для её обеспечения недостаточно — нужны по меньшей мере 10–15 лет. Проблема же более длительного пребывания у власти в «привыкании» к ней не самого Президента, а его аппарата и высших должностных лиц вообще. С годами они усваивают стиль руководства конкретного человека и всё увереннее «играют короля», переставая задумываться о **подлинном смысле его решений и поступков**. А возможность изменений, обновления не менее важна для судьбы страны, чем возможность долгосрочного планирования. Одной лишь ротацией кадров эту проблему не решить. Вот и сошлись на 12 годах.

Смысл *переходной нормы* части 3.1 статьи 81 о применимости «правила двух сроков» к лицу, занимавшему пост Президента на момент принятия поправки, сводится к «перестраховке» применительно именно к текущему моменту, **перед лицом разворачивающегося мирового кризиса, который, без сомнения, будет серьёзным испытанием**. Закреплённое этими поправками право лично Путину принять решение о том, будет ли он избираться ещё раз, — это серьёзный дополнительный фактор стабилизации положения страны в ходе предстоящих испытаний. Решающая схватка впереди, и хорошо бы **иметь возможность** доверить руководство страной и государством тому, кто способен выиграть эту схватку. А эпидемия, развернувшаяся прямо в период обсуждения и принятия поправок, только укрепила позиции тех, кто настаивал на сохранении такой возможности.

III.6.3.3. Народное государство

Обсуждение этой темы мы начнём с сюжета, примыкающего к предыдущему параграфу.

Впервые — в Конституции и законодательстве³²⁵ России — появляется понятие **публичной власти**, объединяющее органы государ-

³²⁵ До сих пор применялось только в теоретических трудах.

ственной власти и местного самоуправления в их взаимодействии «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (ст. 132, ч. 3).

Напомним, что, в отличие от Западной Европы и стран, унаследовавших её цивилизационные особенности, местное самоуправление в Российской Империи (*земство*) не было отдельным от государства и независимо от него возникшим институтом³²⁶ (см. V.5.2), а напротив, было целенаправленно учреждено Александром II, чтобы переложить на него часть функций «местной хозяйственной администрации» с государственных учреждений, подведомственных губернаторам. В советское время местное самоуправление входило во всеобъемлющую систему «советов депутатов трудящихся», то есть оставалось продолжением институтов государственной власти. Попытки переустроить его по западному образцу, предпринимавшиеся с начала 90-х, привели к почти тотальной недееспособности его органов. Не имея устойчивых самостоятельных бюджетных доходов, они не могли оставаться «независимыми». В конце концов они стали финансироваться из региональных бюджетов³²⁷ за счёт средств, перечисляемых за «выполнение отдельных государственных функций», и дотаций, что дало главам субъектов федерации право участвовать в назначениях и отставках муниципальных руководителей. Независимость муниципальных органов стала эфемерной, а народного самоуправления (которое всё-таки было в СССР) не стало.

Мы считаем, что появление в Конституции концепции публичной власти означает начало возврата к непрерывности властной вертикали сверху донизу. У нас не может быть «государства элит» наверху и отдельного от него «народного самоуправления» внизу, для этого в России нет исторических и культурных оснований. А может быть только всеобъемлющее *народное государство* сверху донизу. И его ещё предстоит воссоздать — Президенту (ст. 80, ч. 2).

Нация — это народ, исторически самоопределившийся путём создания государства. Поэтому нельзя считать альтернативными (как

³²⁶ Кроме Финляндии, Польши и Остзейского края, сохранивших местное самоуправление европейского типа, а также казачьих войск и инородческих общин, придерживавшихся традиционного жизненного уклада.

³²⁷ Которые во многих регионах были лишь «пересадочной станцией» для федеральных субвенций.

это делают многие западные деятели) утверждения «*государство должно служить народу*» и «*народ должен служить государству*». **Для продолжения их существования нужно и то и другое.**

Поправки задают государству как системе жизнеобеспечения народа новый уровень социальной ответственности. Гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации. Система пенсионного обеспечения граждан, основанная на принципах всеобщности, справедливости и солидарности поколений, должна обеспечивать ежегодную индексацию пенсий. Гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан, индексация размеров пособий и иных социальных выплат.

III.6.3.4. Сегодня — дети, завтра — народ

«Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» (ст. 67.1, ч. 4). В свете этого важного новшества нужно рассматривать и появление «воспитания» в единой связке с «образованием» в перечне предметов ведения Российской Федерации (ст. 71, п. «е»).

Может показаться, что раз дети объявлены **высшим приоритетом**, значит, по-прежнему основные задачи лежат в области демографии. Но именно акцент на воспитании указывает на то, что в действительности здесь также речь идёт о поддержании исторической преемственности, но не за счёт проекции прошлого, а за счёт заботливого выращивания последующих поколений как воплощённого будущего народа.

Забота о детях была неотъемлемой особенностью нашего государства **с начала советского периода**. Большинство читателей, наверно, удивятся такому определению: разве это не естественно — заботиться о детях? Разве так было не всегда?

Не всегда — и надо отдавать себе в этом отчёт! Большую часть истории *воспроизводство народов было внутренним делом семейных групп*, действовавших в рамках сложившихся культурных моделей, экономических условий и — крайне редко — политической обстановки. Иначе и быть не могло — иное означало бы покушение на прерогативы *родительской власти* — древнейшей и самой устойчивой формы власти в человеческом обществе.

Воспитание детей впервые в мире стало государственным приоритетом в СССР в 1921 году (см. II.3.2.5). И хотя первым толчком к этому была необходимость ликвидации беспризорности, *приоритет распространялся на всех детей* и сохранялся всю советскую эпоху. Сравнивая с началом 1920-х годов положение советских детей уже в 1930-е, перестаёшь считать слова об их «счастлимом детстве» простым пропагандистским клише. Утверждение, что «дети — единственный привилегированный класс в СССР», принадлежит не кому-то из советских идеологов (как сейчас думают почти все), а человеку непредвзятому³²⁸ и способному — со своей последовательно христианской позиции — оценить нравственный смысл такого положения вещей. Его удалось добиться лишь благодаря тому, что советское государство считало заботу о детях и их воспитании приоритетной задачей и щедро предоставляло необходимые для этого ресурсы, несмотря на общую их скудость.

Оборотной стороной такой постановки дела, как и применявшегося педагогического инструментария, стал своего рода государственный патернализм: *преобладание общественного воспитания над семейным и учительской власти над родительской*. Воспитательные процессы шли преимущественно в школе, внешкольных учреждениях, и даже отдых стремились сделать коллективным и «организованным» — *пионерские лагеря* появились именно тогда. Это, впрочем, нельзя считать неоправданным, ведь большинство родителей — выходцы из бывших социальных низов — сами были недостаточно воспитаны, чтобы можно было полагаться на семейное воспитание. Так что педагогам зачастую приходилось воспитывать и их. В свете

³²⁸ Восходит к высказыванию настоятеля Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона на пресс-конференции в 1949 году после его возвращения из СССР, тяжело переживавшего последствия войны.

этого не вызывает удивления обилие в советских школах талантливых педагогов, благодарную память о которых бережно сохраняют поколения их учеников, отдающих себе отчёт в том, сколь многим в себе они обязаны этим учителям. Яркое выражение и памятник этого явления мы видим в благоговейном отношении к своим *Учителям* большинства героев А. и Б. Стругацких, отводивших им ключевую роль в идеальном будущем своих романов.

Уже в годы *перестройки* советская модель воспитания подвергалась критике, а после *революции 1990-х* её заклеямили как «тоталитарную» и стали энергично демонтировать. В попытках подражать англосаксонской модели образования из российской школы изгнали воспитательный процесс.

В России получили распространение и активно пропагандируются толкования «прав ребёнка», не вытекающие из фундаментальных прав человека, расширительно трактующие или извращающие их. В первую очередь это касается понятий «насилия», «жестокости обращения», «унизительных наказаний» и «уровня жизни, необходимого для развития». Они введены Конвенцией ООН о правах ребёнка, где достаточно ясно определены в соответствии с общепринятыми принципами права. Однако нам всё чаще предлагают трактовать «насилие» как синоним «принуждения»; «жестоким» считать любое обращение, способное вызвать неудовольствие ребёнка; распространять понятие «унизительного наказания» с практики уголовно-исправительной системы (как прямо гласит Конвенция) на внутрисемейные отношения, практику образовательных учреждений и т. п. Тем самым игнорируют ту самую специфику *психосоциального развития ребёнка*, ради учёта которой была принята Конвенция. Такие трактовки выглядят как противоестественное соединение пуританского взгляда на ребёнка как «маленького взрослого» и психоаналитической концепции «предотвращения психических травм раннего возраста». Между тем любой ***воспитательный процесс состоит в принуждении к усвоению культурных норм***, а наказание, наряду с неотъемлемым от него поощрением, является одним из необходимых для этого средств. Воспитанник добровольно подчиняется этому порядку, доверяя воспитателю. Именно в формировании такого доверия состоит существо *родительской власти*, да и *учительской власти* тоже.

Требование «прекратить это», исходящее от «защитников прав ребёнка», означает призыв к уничтожению как родительской, так и учительской власти, место которых должна, по их мысли, занять «ювенальная юстиция», то есть *власть публичная*. Но эти ожидания тщетны, даже если приставить персонального полицейского к каждой семье и к каждому школьному классу (говорят, такие «школьные полицейские» кое-где уже появились...). Потому что результат воспитания как раз и состоит, как говорил один из нас своим дурно воспитанным студентам из разных стран, в том, что «полицейский должен быть у каждого в душе».

Семья потому и является предпочтительным пространством воспитания, что *семейные узы* помогают сложиться доверию воспитанника к воспитателю. Но эти узы возникают только между воспитанными людьми. Воспитанность как факт овладения культурой переходит от поколения к поколению в порядке её воспроизводства: *навыки воспитателя передаются непосредственно в процессе воспитания*, как бы банально это ни звучало. Достаточно однажды прервать эту преемственность, чтобы превратить последующие поколения в варваров, сколько бы они ни писали, подобно гротескному персонажу В. Катаева, на своих визитных карточках «*Alfred Parasyuk, intellectuel*». Последствия этого легко представить по аналогии с беспризорщиной, но преодолеть вряд ли будет возможно, если таким станет большинство населения.

Это пространное рассуждение понадобилось нам, чтобы понять, к чему ведёт наше общество конституционное провозглашение воспитания детей важнейшим государственным приоритетом в сочетании с преимуществом, отдаваемым семейному воспитанию.

Мы считаем, что это как минимум *положит конец настойчивым посягательствам на родительскую власть* и попыткам направить против неё мощь государства в лице извращённо понимаемой «ювенальной юстиции». «Ювенальная юстиция» должна заниматься тем, для чего она предназначена: гуманизацией отношения пенитенциарной системы к детям и подросткам, переносом центра тяжести её работы с наказания на воспитание, расширением сферы применения внесудебных процедур для урегулирования конфликтов и т. п. Так что это ещё одна декларация нашей независимости от западных образцов и догм.

Отдельной темой является обеспечение «уровня жизни, необходимого для развития детей». Учитывая, что Российская Федерация и её субъекты совместно обеспечивают «создание условий для достойного воспитания детей в семье» (ст. 72, п. «ж.1»), мы надеемся, что декларируемое преимущество семейного воспитания будет означать, что государство станет **обеспечивать должный уровень жизни детей, оказывая поддержку семьям, а не изъятых из них детям**. А также прекратит произвол органов опеки, являющийся зачастую лишь прикрытием для торговли детьми, запрещённой Конвенцией ООН.

Но означает ли приоритет **семейного** воспитания сохранение сложившегося сегодня разрыва с советской традицией **единообразного общественного** воспитания? Останется ли **учительская власть** в её нынешнем ущемлённом, почти запретном состоянии? Конкретизация значимых для государства направлений воспитания позволяет надеяться, что нет. Обнадёживает и отнесение к ведению Российской Федерации «установления единых правовых основ... системы воспитания и образования» (дополнение п. «е» ст. 72). Конечно, единая **правовая** основа — это ещё не единство **содержания** образования и воспитания и даже не «единая политика» в этой области. Но позиции учителя, воспитателя можно укрепить и правовыми средствами. В начале этого же пункта и до сих пор говорилось об «установлении основ федеральной политики... в области... социального, культурного и национального развития». Вроде бы образование и воспитание имеют отношение к перечисленным областям. Что же тогда означает дополнение: сужение (ограничение **только** правовым регулированием) или расширение (дополнение **также** правовым регулированием) федеральной компетенции? Текст Конституции не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. Только политическая воля Президента в сочетании с государственной мудростью законодателей может в дальнейшем дать на него ответ.

Подводя итог этого раздела, мы можем констатировать, что Конституция 2020 года:

- **восстанавливает и провозглашает историческую преемственность и цивилизационную основу российского государства;**
- **провозглашает воспитание детей в духе гражданских добродетелей приоритетным способом дальнейшего поддержания этой преемственности и обозначает преимущественную роль семьи в этом;**

- знаменует начало следующего этапа истории России в качестве единого и неделимого суверенного государства, способного и стремящегося играть активную роль в мире;
- обеспечивает реализацию монархического принципа как исторического основания верховной власти в России, конституирует Президента страны как выборного *народного монарха*;
- открывает новый этап модернизации народа — его превращения в *гражданскую нацию*: общность людей, ясно понимающих, в чём состоит баланс общенародных задач и их частных интересов, *солидарных* в стремлении его достичь и готовых, если понадобится, противостоять стихийному эгоизму;
- восстанавливает прерванную в постсоветское время организационную связь государственной власти и местного самоуправления как частей единой *публичной власти*;
- повышает уровень социальной ответственности российского государства.

Последние три аспекта Конституции предопределяют важные шаги на пути утверждения [восстановления] подлинной *народности* нашего государства.

Так что новая Конституция обеспечивает России ясную перспективу развития в предвидении нарастания мирового кризиса.

Наша задача пройти этот кризис с наименьшими издержками и оказаться в числе тех немногих государств, которые по его итогам будут строить архитектуру нового мира в ближайшие 50 лет. Тогда могут быть востребованы и новые принципы социальной организации, пока существующие лишь в теориях. Как нам кажется, среди них будут и новые подходы к поддержанию баланса взаимных прав и обязанностей государства и гражданина. В перспективе тех же 10–20 лет нам необходимо будет решить задачу перехода к принципиально новой политэкономической модели. В любом случае наша Конституция должна развиваться в соответствии с нашей базовой культурно-исторической доминантой: много народов — одна цивилизация — одно государство.

Лексикон идеолога

Данный лексикон является первой попыткой систематизации идеологического дискурса, развиваемого нами более 30 лет, в форме тезауруса — сводки основополагающих понятий и соответствующих им терминов в их взаимосвязи.

Хотя этот дискурс последовательно воплощался нами в книге, не следует искать в словаре буквальной расшифровки всех использованных в ней слов, хотя бы потому, что в стремлении быть понятыми как можно более широким кругом читателей мы подчас пользовались общераспространенными, обыденными значениями слов, жертвуя терминологической строгостью ради удобства читателя.

Тем не менее мы считаем, что этот словарь будет полезен вдумчивому читателю в его следовании за ходом нашей мысли.

А

Абсолют — душа бытия.

Абсолютизм — подчинение государства одной персоне.

Абстракция — знак (знаковая конструкция), замещающий вещь при построении знания.

Автаркия — хозяйственная самодостаточность. Не означает экономической самодостаточности.

Авторитет — власть вне закона и государства.

Авторитаризм — государственное устройство, при котором страна и народ служат правителю (в противоположность самодержавию).

Азия — символический враг Европы в лексиконе промывания мозгов, то же самое, что и Восток в противопоставлении Западу (Р. Киплинг: «...вместе им не сойтись»). Подводит под единую негативную оценку ислам, китайцев, индусов, Чингисхана и пр. В некоторых идеологических доктринах этот подход применяется и к христианскому миру, противопоставляя православие католицизму и протестантизму.

Американское кино — реклама США.

Англия — уникальный общественный организм, основанный на пятикратном наслоении завоеваний с перераспределением власти, влияния и управления при каждом, и созданная им культура (цивилизация). См. также Великобритания.

Аристократия — см. Знать.

Б

Базис — социологическая (марксистская) трактовка бытия.

Бесконечное — хаос (см.) как абстракция объекта науки.

Беспорядок — нарушение установленного порядка. Не является хаосом.

Бизнес (гешефт) — легализованная борьба за собственность. Не создаёт собственность, а лишь перераспределяет её. Единственный способ концентрации капитала. Социальная альтернатива предпринимательству (см.).

Благо — 1) синоним добра, всё, что содействует сохранению и улучшению жизни людей; 2) абстракция общественной полезности; 3) отождествление хозяйственной и этической состоятельности.

Бог — источник человеческого, его внешний предел и причина. В иудаизме, христианстве, исламе и других монотеистических религиях — причина бытия. Европейская мысль до эпохи Возрождения безоговорочно с этим соглашалась. Возрождение, выдвинув человека на место Бога, перевело это утверждение в разряд гипотез, нуждающихся в доказательстве. Рационализм, начиная с Декарта, пытался

её доказать, опровергнуть (Вольтер) или отказаться от неё (Лаплас). Ницше решительно её отверг, став основоположником европейского иррационализма (философии жизни, экзистенциализма, постмодерна и т. п.), переместив иррациональное (то есть божественное, неуомопостижимое) всецело внутрь человека.

Богатство — вещественная форма блага, свобода от хозяйства, часто является целью обществ, общностей и персон.

Большинство — сообщество (персона) сторонников (участников) определённого общественного решения (действия), превосходящее по численности любое другое такое сообщество.

Братство — идеальная общность, основанная на общем происхождении. Учреждена как Церковь Христова. Эта общность была отнята у Христа (чтобы отречься от него) вождями Французской революции Демуленом и Робеспьером. Они провозгласили «свободу, равенство, братство» целями революционного действия, тем самым признав их не существующими в качестве самостоятельных вещей, а принадлежащими морали и праву, то есть условностям человеческого общежития.

Бытие — 1) то, что существует из самого себя, из чего всё остальное существует; 2) универсальная грамматическая категория языка, существительное от глагола «быть», то (тот), что (кто) способно (способен) быть; 3) взаимосвязь всего (что есть и чего нет).

В

Великобритания — рухнувшая в 1947 году империя.

Вера — 1) твёрдое убеждение в существовании, подлинности, истинности чего-то, что ты не испытал сам; 2) принятие чего-либо за истину.

Вероятность — математическая мера беспорядка.

Вещь — проекция персоны.

Виртуальная реальность — действительность, принятая за реальность. Возникает, когда действительности подчиняют не только деятельность, но и жизнь.

Власть — отношение добровольного подчинения одних персон другим, организующее социальное целое.

Влияние — поглощение *влияющей* персоны другой персоной, *испытывающей влияние первой*, без образования ими общего (единого) лица.

Война — борьба государств за власть над народами, использующая принуждение, в том числе для причинения ущерба (включая человеческие жертвы).

Возрождение — эпоха (исторический период) в западноевропейской периодизации истории, когда впервые богоподобие человека стали понимать как человекоподобие Бога. Ее выделение (и наименование) основывалось на превратном понимании античных представлений о человеческом — переносе на Бога (см.) человекоподобия античных языческих богов. Привела к появлению феномена искусства (см.). См. также Гуманизм.

Воля — намерение изменить идеальное.

Воспитание — возникновение личности при погружении индивида в культуру родительской и/или педагогической властью.

Воспроизводство — 1) производство вещей из вещей, проекция смены поколений; 2) в хозяйстве — производство средств производства.

Враг — любая персона, претендующая на власть, которой не готова подчиниться персона, определяющая своего врага.

Времена — знаковое выражение порядка, порожденного временем, грамматические категории (знаковые конструкции) — неопределенные, настоящие, прошлые, будущие и все их производные формы и сочетания.

Время — абстракция целостности, неразрывности индивидуальной человеческой жизни. Имитация ее целостности, неразрывности сообществами. Проекция этой абстракции на мир как способ установления в нем одного из видов порядка, именуемого последовательным. Не является универсальной, присущей всем существующим цивилизациям. В частности, буддийская метафизика отрицает последователь-

ность жизни и считает обыденное восприятие времени заблуждением (иллюзией).

Выборы — одновременное публичное оформление персонального отказа членов общности от собственной претензии на власть в пользу другой персоны. Подразумевает признание власти и добровольное согласие подчиняться тому, кто набирает большинство голосов.

Г

Газета — произвольный набор текстов, передаваемых другим для использования (пересказа, обсуждения, ссылки, пересылки и т. п.), а не для усвоения, то есть исполняющих социальную, а не культурную (как у книги) функцию. Сегодня существует в аудио- и видеоварианте (радио, телевидение), а также в форме сетевого обмена сообщениями.

Гегемония — превосходство одной общности над другими, достигаемое за счет власти над ними, влияния на них, управления ими или применения силы в любых комбинациях.

Геноцид — убийство общности.

Геополитика — 1) знание о природе границ (см.), способах их установления и изменения; 2) использование этого знания для приобретения влияния и власти на территориях.

Германия — несостоявшийся в 1918 и 1945 годах проект возрождения Священной Римской империи германской нации.

Герой — персона, покушающаяся на историческое действие.

Глобализация — идеология однополярного мира, гегемонии США в отношении человечества.

Голосование — социальное высказывание.

Город — 1) идентичность общности, не занятой сельским хозяйством. К началу Нового Времени — идентичность капитала; 2) самовозрастающая общность, место концентрации населения, хозяйственных, социальных, политических процессов. Инкубатор мышления.

Господство — установление и использование рабства.

Государство — общественный институт для нормировки, организации и воспроизводства власти.

Государь — лицо государства.

Гражданин — лицо персоны, обладающей гражданством.

Гражданская война — война двух государств одного и того же народа за власть над ним. Один из способов осуществления революции (смены культурных оснований власти).

Гражданство — поглощение персоной своего государства.

Граница — предел бытия общности. Может быть по-разному определен — в зависимости от избранной действительности: присутствия общности в пространстве, ее влияния, превосходства и пр.

Гуманизм — поиск представлений о человеческом и источников человеческого за пределами религии. Стремление и готовность создавать знание о человеке. Обоснован сначала искусством Возрождения, а позже наукой Нового Времени.

Гуманитарная наука — совокупность способов создавать знание о человеке. «Наука» здесь — метафора. Научное знание строится на противопоставлении мыслящего активного живого субъекта немслящему, мёртвому, пассивному объекту. Мыслящий о человеке попадает в иную интеллектуальную ситуацию — акт мышления о человеческом меняет как мыслимое, так и мыслящего. При этом мыслимое может предлагать мыслящему специально для этого созданное представление о мыслимом.

Д

Действие — волевое изменение бытия.

Действительность — данность бытия практическому разуму.

Демократия — раздел власти между персонами, основанный на отделении влияния от власти.

Держава — метрократическое государство.

Дети — биологически незрелые индивиды, находящиеся под родительской и/или педагогической властью.

Детское общество — 1) общность детей, существующая вне пределов действия родительской и педагогической власти; 2) в современном обществе — эксцесс выпадения детей из-под педагогической и родительской власти. Возникновение персоны, мнящей себя общностью/обществом, лишённой закона, культуры, хозяйства, но порождающей власть. Описан в «Повелителе мух» У. Голдинга. Социальный результат провала семьи и школы. Предпосылка возникновения короткоживущих субкультур в результате вторжения чужой культуры или (чаще) её суррогатов и средств управления. Сегодня расширяется за счёт интернета как среды агрессии анонимного.

Детский мир — общность детей, создаваемая педагогической властью для содействия освоению детьми способов жить в обществе (социализации). Примеры: скауты, пионеры, трудовые коммуны по системе Макаренко.

Деятельность — сверхбиологическое бытие человеческого.

Диалектика — 1) то же, что логика (см.); 2) логика как средство влияния.

Диктатура — безраздельная власть одной персоны.

Дискриминация — избирательный отказ в защите права.

Добро — см. Благо. Не является противоположностью зла.

Добрая воля — воля к благу.

Добровольность — основанность на доброй воле.

Догма — знание, принятое на веру.

Договор — знаковая фиксация прав, совместно признанных несколькими персонами (сторонами договора).

Доказательство — обоснование решения, одно из средств влияния.

Доктрина — знание о знании.

Достоевский — русский философ, предсказатель падения православной империи.

Друг (в международных отношениях) — государство, стремящееся войти в состав другого государства.

Дух — жизнь вещи.

Духовность — светское умозрение о религиозном опыте.

Душа — богоподобное человеческое бытие, исхождение человеческого из своего источника.

Е

Европа — место происхождения западной цивилизации; после Второй мировой войны и падения СССР — колониальные территории США к западу от границы России.

Европейские ценности — утопические представления, необходимые для подчинения Европы власти США.

Евросоциализм — ресурсно обеспеченное за счёт доли в прибылях от американской мировой гегемонии распространение в Европе социальных государств. Вызвано конкуренцией и политической борьбой с СССР за влияние на страны Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи.

Единое — метафизика числа 1.

Ересь — усомнение догмы.

Ж

Женщина — человек рождающий.

Жизнь — идентичность бытия.

З

Законы природы — проекция социальных законов. Основана на упорядочении подчиненных человеком фрагментов бытия.

Здравый смысл — идиома. Означает общедоступность практического разума, его обыденную, стихийную форму.

Зло — враг человеческого.

Знак — абстракция вещи, полученная путем её деятельностного обособления (отделения от иных вещей).

Знать — социальная группа в некоторых обществах: совокупность персон, обладающих властью в силу происхождения.

Знание — знаковая конструкция, создающая вещь.

И

Идеал — в этике: абстракция блага.

Идеальное — бытие за пределами материала.

Идентичность — самообъективация, фиксация себя как вещи.

Идеология — присвоенное социальное знание.

Идея — овеществлённая жизнь мысли.

Идол — 1) образ, замещающий (подменяющий) Бога; 2) знаковая конструкция, замещающая (подменяющая) абсолют; 3) в массовой культуре — обожаемая персона, объект поклонения публики.

Измена — переход на сторону врага.

Имитация — создание знака из персоны, вещи или действия.

Империя — государство-цивилизация. Превосходство государства над властью этнических общностей.

Индивид — предел делимости персоны, социальный атом.

Индия — самое древнее общество, свободное от государства, самая молодая империя, существует с 1947 года.

Институт (общественный) — 1) персона, выполняющая в обществе определённые функции (решающая постоянно, регулярно возникающие задачи); 2) знаковая конструкция, фиксирующая правила действия такой персоны.

Интеллигенция — самоназвание общности, претендующей на роль «совести» общества, моральный авторитет и общественное влияние, на основании своей образованности.

Интуиция — непосредственный доступ к истине (см.).

Информационная война — захват информационного пространства противника с целью использования его как средства ведения войны.

Информационное пространство — совокупность средств сбора, накопления, переработки и распространения информации, а также управления ими.

Информация — абстракция знака.

Искусство — 1) выражение творческого начала человека в деятельности, то же, что мастерство; 2) деятельность, специально предназначенная для демонстрации творческого начала человека; культурная модель самовыражения и самоутверждения человека-творца (богоподобного человека), источник его авторитета. Ее появление — важнейший итог эпохи Возрождения (см.); 3) совокупность продуктов такой деятельности как часть культуры. В странах западной цивилизации начиная с Нового времени — одна из форм богатства; 4) в наше время — имитация этой формы богатства, утратившая культурное (человеческое) содержание — так называемое «современное искусство» (*contemporary art*).

Испания — рухнувшая в 1805 году империя.

Истина — явление божественного.

Исторические записи — записи об уникальном.

История — процесс происхождения и развития человека и его сообществ.

К

Капитал — превосходство научного знания над другими факторами хозяйственной деятельности.

Капитализм — политическая система сверхвласти капитала.

Картина мира — персональный способ сочетания знания о мире, верований и накопленного опыта (коллективного и индивидуального). Единственный способ такого сочетания. Не передается от одной персоны к другой.

Китай — самая древняя существующая империя, существует по меньшей мере с III века до Р.Х.

Клуб — общность личностей, место социального взаимодействия, имеющего культурное содержание.

Книга — текст, организованный для трансляции (передачи и усвоения) культурных моделей.

Коммунальное — социальное взаимодействие, осуществляемое без культурного содержания, непродуктивное в отношении установления власти. Следствие несамоопределённости участников взаимодействия.

Коммунизм — 1) политическая система сверхвласти труда (практический коммунизм); 2) программа модернизации народа (технический коммунизм); 3) светская вера (чистый, теоретический, научный коммунизм).

Коммуникация — основной вид социального взаимодействия наряду с обменом и применением силы.

Компрадоры — общественная группа (элита), специально создаваемая внешней силой (в настоящее время преимущественно США) в зависимых странах для осуществления внешнего управления ими.

В постсоветской России одно время назывались олигархами, хотя таковыми не являлись.

Конец — выход из процесса.

Конкретное — вещь, специально созданная (выбранная, оформленная, выделенная) для отнесения знаковой конструкции знания.

Консерватизм — идеология, утверждающая, что исторические процессы не могут быть целями политического действия.

Король — монарх, которого назначает автократор (император, царь, самодержец, понтифик).

Критика — обоснование сомнения в достоверности знания.

Ксенократия — власть завоевателей.

Культура — совокупность знаковых конструкций, фиксирующих и транслирующих идеальное содержание деятельности: языки, методы (способы, приёмы, технологии), процедуры (традиции, ритуалы, церемонии), образцы (эталоны, нормы) и пр.

Л

Легенда — запись мифа, начало исторических записей.

Либерализм — 1) первоначально — идеология, обосновывающая необходимость всемерного расширения сферы дозволенного человеку, провозглашающая это благом; 2) в настоящее время — идеология, освобождающая индивида от истории, культуры, Бога, общественных и личных связей, расы, пола и генома. Тем самым он освобождается также от ответственности за общественные последствия своих действий и окончательно превращается в «пролетария». Господствующая глобальная утопия, обеспечивающая мировую гегемонию США.

Лидер (вождь) — персона власти в сообществе, сформировавшемся по признаку её признания.

Лицо — социальный объект, замещающий личность.

Личность — результат овладения душой способом (способами) жить в обществе.

Логика — средство упорядочения вещей путём оперирования знаками.

Ложь — умышленное искажение правды.

Любовь — основная связь человека с Богом, источник веры в него.

М

Мальтузианство — отрицание сверхбиологического бытия человека, полагание пределов расширения хозяйства.

Математика — организация операций.

Материал — безличный предмет.

Материя — 1) абстракция тварного (сотворённого Богом) бытия; 2) гипотеза, противопоставляющая Богу (как источнику бытия) безличное рождающее начало, метафизика мёртвого.

Международная торговля — часть войны, в которой силовое противостояние заменяется обменом.

Международное право — совокупность правил, закрепляющих итоги войны. Правом не является.

Международный (межгосударственный) договор — часть международного права, инструмент получения временного преимущества. Не является договором.

Меньшинство — сообщество (персона), противостоящее большинству.

Мера — вещь, применяемая для сопоставления других вещей.

Метафизика — теория бытия.

Метрократия — собственная, суверенная, самодержавная власть.

Мир — бытие, присвоенное, ограниченное (см. Граница), освоенное человеком.

Мировоззрение — заявленная картина мира (см.).

Миф — устное предание, коллективная память о повторяющемся.

Мнение — бесосновательное использование заимствованных представлений.

Многополярность — политическое взаимодействие империй (Китая, России, США и Индии).

Могущество — максимальное распространение организованной власти, цель государств.

Модерн — 1) самое раннее из устойчивых значений — стиль в архитектуре, изобразительном и прикладном искусстве Европы конца XIX — начала XX века (другие названия: Art Nouveau, Jugendstil, Secession и др.); 2) в русских переводах иностранных сочинений — наименование исторических эпох: Нового Времени, Новейшего Времени и иногда их вместе, основанное на неточной передаче близких по написанию слов; 3) условное наименование совокупности течений европейской мысли, основанных на идее прогресса (см.), а также периода наиболее широкого их распространения (необязательно совпадающего с эпохами, указанными выше). Не следует смешивать с модернизмом (см.).

Модернизация — поглощение общностью ранее отсутствовавшего культурного содержания — как возникшего в этой общности, так и заимствованного.

Модернизм — 1) культурная тенденция в Европе конца XIX — начала XX века, выражавшаяся в преувеличении роли любого новаторства в литературе и искусстве, отказе от сложившихся традиций; 2) совокупность конкретных направлений и школ, реализовавших эту тенденцию.

Мораль — правила общности, исходящие от человека.

Мотив — движитель, источник действия персоны.

Мужчина — человек, причиняющий рождение.

Мультикультурализм — технология уничтожения суверенитета и государственности за счёт дискриминации базовой культуры государства

под предлогом предоставления равных прав чужим культурам. Обоснование толерантности в её современном виде.

Мысль — высказывание (текст) мышления.

Мышление — историческое (культурное) бытие разума.

Н

Надежда — ожидание помощи Бога.

Наказание — защита преступника от общества и в то же время общества от него. Способ сохранить преступника в обществе.

Накопление — организация факторов хозяйства, позволяющая расширять хозяйство и обеспечивать небиологические возможности роста населения.

Намерение — определение цели действия.

Народ — исторически воспроизводящая себя общность.

Народное государство — 1) система обеспечения жизни народа, управляемая им через широкое непосредственное участие; 2) при социализме — управляющий народного траста, в который передано народное достояние (общенародная, социалистическая собственность). Не смешивать с социальным государством (см.).

Народовластие — власть, признаваемая народом как единой общностью. Возможно только в народном государстве.

Насилие — применение силы как коммуникации. Основной механизм хозяйственного принуждения.

Наука — метод построения знания, относимого к объекту.

Нацизм — господство, основанное на этническом геноциде.

Национализм — воля народа к созданию государства.

Национальное государство — устойчивое словосочетание, обозначающее государство этнически однородной нации (обладающей этнической идентичностью). Историческая альтернатива империи.

Национальность — этническая группа, входящая в состав народа с сохранением своей индивидуальности (культуры, обычаев, образа жизни). В составе нации её существование признается государством.

Нация — народ, создавший своё государство.

Начало — обнаружение себя в процессе.

Начало начал — обнаружение своего начала в процессе (не совпадает с началом).

Неизбежность — будущее, наступлению которого не противятся.

Некто — абстракция персоны, не предполагающая лица.

Нечто — абстракция вещи, не предполагающая лица.

Ничто — метафизика числа 0.

Новое Время — исторический период смены культурных оснований власти, при которой научные основания становятся преобладающими или единственными. Время восхождения и гибели систем сверхвласти.

Нравственность — правила общности, исходящие от Бога.

О

Образование — усвоение (человеческим) индивидом культурного содержания и знаковой формы оперирования им. Организационное единство обучения и воспитания.

Общественный договор — готовность общности подчиниться сложившемуся порядку вещей. Договором не является.

Общество — максимально широкое не-смертное объединение людей, их общностей и персон.

Общество потребления — общество, признающее потребление основным выражением блага. Способно порождать культурные модели и институты, поощряющие потребление и даже принуждающие к нему.

Общество равных возможностей — утопия, интерпретирующая право как действительную возможность.

Общность — не-смертное сообщество.

Объект — знаковая данность идеального, идеальная инстанция отнесения знания.

Объективация — употребление знаковой конструкции, обозначающей устройство метода (организацию мышления) для обозначения устройства объекта.

Одновременность — отсутствие последовательности (см. Время).

Олигархия — раздел власти между немногими персонами.

Опала — персональный запрет на участие в политике.

Операция — абстракция действия, действие без вещи, на которую оно направлено, знак действия.

Опыт — предмет практического разума.

Организация — 1) достижение цели, недостижимой за одно действие, за счёт совокупности действий; 2) персона, созданная для достижения цели, недостижимой за одно действие.

П

Парламент — общественный институт (см.), первоначально содействовавший принятию персоной власти сложных решений (предлагавший и оценивавший различные их варианты), а также выполнявший функции высшей судебной инстанции. В ходе революций, происшедших в странах Запада при начале Нового Времени, обеспечивал внедрение научных оснований власти (подвергая критике наличные её культурные основания). В дальнейшем был трансформирован элитами в средство ограничения власти. В странах, перешедших к управляемой демократии (см.), достиг предела таких возможностей и переживает кризис.

Парламентаризм — политическая доктрина, приписывающая парламенту главенство в государственном устройстве

Партия — 1) сообщество, отстаивающее свои частные интересы; 2) организация, созданная сообществом для приобретения власти и/или

влияния; 3) в СССР — общеупотребительное наименование Коммунистической партии — обособленной части общества, неподвластной государству и осуществлявшей политическую монополию сверхвласти.

Патриотизм — поглощение Родины (Отечества, Отчизны) персоной или общностью.

Персона — смертное сообщество (в пределе — индивид), обладающее лицом, способное действовать.

Победа — желательный исход войны, достижение целей войны.

Победа (с большой буквы, Великая Победа) — победа Советского Союза в войне, развязанной для уничтожения русского народа, ликвидации его империи и забвения его культуры ради приобретения врагом жизненного пространства. Увенчалась уничтожением империи врага — гитлеровской Германии, объединившей всю континентальную Европу.

Поглощение (чего- или кого-либо) — включение (его) в свою идентичность.

Подвиг — действие героя, направленное на изменение хода исторического процесса.

Подчинение — исполнение приказа.

Политика — объединение против врага для приобретения влияния и/или власти.

Политкорректность — вменённая цензура, основанная на введении ограниченного (разрешённого) лексикона. Описана впервые как политический проект для англоязычного мира Джорджем Оруэллом в романе «1984».

Польша — несостоявшийся в 1612 году имперский проект.

Понимание — 1) помещение себя в рамки мыслимого социального целого, условие построения и применения знания о социальном; 2) социально значимое употребление знания (способность применить знание к собственной жизни).

Понятие — объект понимания (отнесения результатов понимания, понятого).

Порабощение — полное прекращение, утрата персоны (раба) за счёт поглощения другой персоны (хозяина) и растворения в ней (в отличие от влияния (см.)).

Поражение — нежелательный исход войны, сопряжённый с неприемлемым ущербом.

Порядок — организация разума.

Постмодерн — 1) собирательное наименование ряда современных направлений западной мысли, для которых характерны непризнание существования абсолюта (см.), отказ от оперирования связанными с ним понятиями (Бога, души, идеального, истины, прекрасного и т. п.), множественность (и относительность) смыслов, приписываемых любым проявлениям бытия, а также знаковым конструкциям, используемым человеком (в том числе знанию); 2) условное обозначение состояния общества (часто некорректно называемого хаотическим), в котором поведение людей освобождено от каких-либо общепринятых норм, а их сообщества возникают и исчезают под влиянием спонтанных импульсов. Утопия, бесосновательно приписывающая такое состояние современному обществу так называемых развитых стран Запада.

Постмодернизм — культурная тенденция в современном западном обществе, выражающаяся в отрицании роли в литературе и искусстве творческого начала и личности человека-творца, подменяемых формальными «новизной» (понимаемой как любое отличие от ранее созданных текстов или вещей) и «авторством» (допускающим в качестве «произведений» тексты и вещи, не созданные человеком), см. также Искусство (о «современном искусстве»). В русскоязычной литературе и русских переводах иностранных сочинений часто употребляется в том же смысле, что и «постмодерн», что следует рассматривать как ошибку заимствования термина, основанную на погрешности перевода.

Права меньшинств — ограничение прав большинства, способ дискриминации большинства, инструмент его раздробления.

Права человека — попытка определить человека через право: человек это тот, кто имеет права человека.

Правда — персональное знание.

Правило — знаковая конструкция, предписывающая порядок действию. Не имеет отношения к праву.

Право — то, что можно делать без разрешения, объём свободы.

Право земли — право владельца безраздельно властвовать надо всеми, почему-либо пребывающими на его земле, а также владеть, пользоваться, распоряжаться всем, что находится на ней и в её недрах. Основано на поглощении земли владельцем.

Право корабля — право капитана безраздельно править кораблём, властвовать надо всеми, почему-либо пребывающими на корабле. Основано на поглощении корабля капитаном.

Право меча — обладание завоевателем гегемонией (см.) на завоёванной территории. Является результатом войны.

Практический разум — собственно разум, единство мысли, чувства и действия, объемлющее для чистого разума. Устанавливает отношения порядка и хаоса в бытии.

Превосходство — возможность неограниченного господства, совершения любого действия.

Предательство — нарушение (обман) доверия.

Предел — граница мира, за которой простирается бесконечное. Знак конечности как фрагмента бытия, выделенного (обособленного, ограниченного) человеком. Позволяет представлять дискретное и мыслить разрывы.

Предмет — поверхность (пространственная редукция) вещи, то, с чем мы имеем дело, оперируя (обращаясь) с ней.

Предприимчивость — 1) поиск (новых) способов приобретения богатства, освобождения от хозяйства. Проявление творческой природы человека в условиях, когда другие её проявления ограничиваются или

считаются недостойными. Культурная альтернатива искусству (см.), родившаяся вместе с ним; 2) социально приемлемая форма авантюризма — готовности принять на себя все риски деятельности.

Предпринимательство — экономическая деятельность, порождённая предприимчивостью.

Причина — действие персоны, совершённое для достижения цели.

Природа — бытие, не присвоенное человеком.

Проблема — знание о незнании.

Прогресс — в ряде направлений европейской мысли — развитие общества, общности, персоны, ведущее к благу.

Продукт — вещь, созданная деятельностью.

Проект — объективация будущего времени.

Проекция — перенос объектов социального знания в иные предметные области, включая знания о природе (например: детерминизм, атомная гипотеза, борьба видов).

Производство — хозяйственная деятельность по созданию вещей.

Пролетариат — «негативный класс», конструкция субъекта знания о социальной системе, не принадлежащего ей. Становится над ней, обретая единство тотальной политической воли.

Пространство — абстракция наблюдаемого бытия, не зависящего от наблюдателя. Позволяет мыслить место (обособленность вещи) и протяжённость (порядок мест).

Процесс — абстракция изменений, проекция действия. Не имеет начала и конца (как «огонь» Гераклита).

Р

Рабство — поглощение порабощённой (см.) персоны как вещи.

Равенство — 1) абстракция человеческого, предполагающая взаимозаменяемость, функциональную неразличимость людей. Было практиче-

ски реализовано сверхвластью труда как социальный порядок, основанный на признании труда единственным содержанием человеческого; 2) формальное «равенство перед законом» как признание фактического неравенства людей во всех прочих отношениях. См. Братство.

Равноправие — лишение социальных страт (сословий, каст) правового признания, перевод их в теневое существование. Один из способов установления контроля государства над обществом.

Развитие — процесс, в котором его будущее состояние включает прошлое состояние, но не тождественно ему.

Разделение властей — название политической доктрины, требующей распределения государственной власти между несколькими независимыми и взаимно контролирующими друг друга (что принято называть «сдержками и противовесами») персонами. Разделением, в собственном смысле слова, не является, так как взаимный контроль этих персон обеспечивается частичным перекрытием сфер их компетенции. Доктрина была впервые сформулирована Монтескье как идеологема, обслуживавшая основные задачи буржуазных революций: устранение (ограничение) монархической власти и недопущение подобной концентрации власти любой персоной (общественной силой, социальной группой, лидером), участвовавшей в революции. В дальнейшем использовалась элитами западного общества как основной инструмент замещения власти влиянием (см. Демократия). С установлением управляемой демократии (см.) разделение властей превратилось в догму, сохраняющую своё значение лишь в качестве её витрины — набора формальных управленческих функций, выполняемых выбираемыми персонами: президентами, губернаторами, законодательными собраниями, судьями и т. п.

Разум — идентичность человеческого.

Расизм — идеология подчинения одних этнических общностей другим за счёт достижения и вменения превосходства.

Рассудок — идентичность разума, основание чистого разума. Способность оперировать знаками.

Реальность — божественная данность бытия.

Революция — смена обществом культурной доминанты (парадигмы) мышления. Ведёт к смене власти и социальной структуры (системы, устройства целого).

Режим (политический) — слово, широко употребляемое в политической фразеологии, но не имеющее общепринятого значения: 1) во французской политической мысли и исторической науке (откуда это слово и происходит) — совокупность особенностей политического устройства (в том числе культурных моделей, институтов, средств и методов государственного управления) конкретного государства, характерная для определённого исторического периода. Например, Старый Режим (непосредственно предшествовавший революции 1789 года), Республики (с I по V), Директория, Империи (I и II), Реставрация, режим Виши и т. п. Это значение можно считать терминологическим, в этом качестве его используют ученые разных стран; 2) в современном английском языке обладает негативными коннотациями, в словарях определяется как «правление, преимущественно авторитарное». Поэтому в политическом обиходе англосаксонских стран употребляется как ярлык, подчеркивающий «недемократический» характер политического устройства той или иной страны. В современном русском языке, под влиянием английского, нередко употребляется в том же качестве.

Результат — замещение процесса вещью («состоянием»). Позволяет мыслить процесс во времени как последовательность вещей («состояний»).

Решение — действие практического разума, осуществляемое личностью от (какого-либо) своего лица («я как такой-то»).

Рефлексия — построение персоной знаний о самой себе.

Родина (Отчизна, Отечество) — страна, поглощённая персоной, ставшая её свойством.

Россия — империя русской цивилизации. Существует с 1480 года. Её народ создан из многочисленных этнических групп крещением (обращением) в православие. Империя сформирована стратегической обороной континентального пространства. Это породило социальный порядок, основанный на всеобщей солидарности и прямых доверитель-

ных отношениях власти и народа без посредничества и управленческого вмешательства элит. Такой порядок требует публичности русской идеологии. Россия создала первое в мире народное государство, преодолевшее коммунистическую сверхвласть в 1986–1990 годах. В настоящее время продолжает суверенизацию созданного народного государства от других систем сверхвласти (сверхвласти капитала, воплощённой, в частности, САСШ).

Ротация элит — см. Сменяемость властей.

Руководство — применение власти в целях организации.

С

Самодержавие — служение государя державе.

Самоопределение — установление персоной своего лица.

Самоотверженность — этика ограничения эгоизма.

САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты), **США** — империя, существующая с 1776 года. Создана беглецами из обществ европейского типа («колонистами»), отрёкшимися от своей культуры и истории. Исходит из предпосылки пустой, ничьей земли, нуждающейся в освоении (культивации, то есть продуктивном использовании). Наличие на ней коренного населения требовало культивировать (приспособить к делу) и его, что колонистам, не составлявшим единой общности, оказалось не по силам — в отличие от Канады и Южной Америки, осваивавшихся непосредственно культурными нациями и их государствами. Поэтому колонистами был осуществлен геноцид коренного населения и замещение его привозной рабочей силой — рабами африканского происхождения, стихийно сформировавшими на новом месте собственные общности. Тем самым была заложена основа сегрегации (раздельной истории общностей колонистов и рабов) неустранимой причины их неравенства. На этой почве сформировалась идеология расизма, в настоящее время как «белого», так и «чёрного». Система власти, установившаяся по итогам Гражданской войны Севера и Юга, — это розыгрыш власти между республиканцами и демократами каждые четыре года.

Сегодня она неустойчива и стоит перед угрозой разрушения. Правовая система САСШ развивалась из права земли (см.) как источника уголовного права и права корабля (см.) как источника гражданского (торгового) права. США сумели получить от Второй мировой войны стратегическую выгоду, ресурс которой сегодня заканчивается (перестал воспроизводиться).

Сверхвласть (сверх-власть) — власть вне и над государством, использующая последнее как средство.

Сверхчеловек — господин, освободившийся от раба, статус бесконечного культурного превосходства. Оправдание геноцида (сверхбиологического уничтожения лишних людей).

Свобода — 1) поглощение культуры персоной, обеспечивающее последней превосходство над общностью; 2) в идеологиях Запада, восходящих к Французской революции, — «возможность делать всё, что не наносит вреда другому» — декларация зависимости персоны от общности; см. Братство.

Семья — минимальная общность, продолжающая свое существование за счёт рождения и воспитания детей.

Сервантес — испанский философ истории книжной революции Гутенберга («Дон Кихот»). Культурный свидетель падения католической империи, падения культурного авторитета Библии.

Система — совокупность действий, вещей или знаков, составляющих единое целое (не существующих друг без друга).

Ситуация — объективация настоящего времени.

Слово — атом языка.

Служение (служба) — добровольное поглощение иной персоны (государя, державы, государства, партии). Является личным отношением, может связывать только обладающих лицом. В применении к вещам, не являющимся персонами (Родине, народу и т. п.), это — проекция.

Сменяемость властей — одна из основных догм управляемой демократии, декларирующая необходимость регулярной передачи власти

от одной элиты к другой (ротации элит). Основана на презумпции отсутствия каких-либо особых общественных интересов, не сводящихся к сумме частных интересов членов общества. В связи с этим властью якобы обладают выразители тех частных интересов, которые в текущих обстоятельствах поддерживаются большинством. А изменение этих обстоятельств, склоняющее большинство к поддержке иных частных интересов, должно приводить к замене персон власти при очередных выборах. Для этого предусматриваются различные процедуры, прежде всего обеспечивающие регулярность выборов и ограничивающие сроки полномочий выборных должностных лиц. Власть, обеспечивающая подлинные общественные интересы, которые всегда имеют долгосрочный характер, в таких условиях существовать не может.

Смерть — прекращение, прерывание индивидуальной жизни как идентичности бытия человека. Предел времени, знак вечности, метафизика конца. Не может быть мыслима без индивида, идентифицирующего жизнь как свою. Поэтому в применении к другим живым существам является проекцией. Как и время (см.), признается не любой из существующих цивилизаций. В частности, в метафизике буддизма, не различающей жизни человека и других живых существ, смерть считается иллюзией.

Собственность — поглощение вещи персоной.

Событие — результат истории, процесса. Существует только в действительности времени: проявляет прошлое в настоящем и/или будущем.

Совесь — 1) осознание (формула) общего блага; 2) способность души воспринимать нравственную истину.

Сообщество — объединение людей по любым основаниям.

Социализм — система народного траста, капитализация народного достояния без внутреннего рынка.

Социальное — культурно оформленное взаимодействие персон, общностей и обществ, ведущее к установлению власти.

Социальное государство — государство, оплачивающее социальную дотацию из налогообложения капитала. Возможности социального государства ограничены эффективным сопротивлением капитала фактическому налогообложению, принципиальной пассивностью (а значит безадресностью) получателя дотации. Этим социальное государство принципиально отличается от народного государства, за которое его пытаются выдать утопия евросоциализма.

Справедливость — идеал права, его полной реализации, тотальность права.

Средний класс — проект социальной инженерии. Попытка создать большинство, удовлетворённое достижением советской бытовой мечты «квартира-дача-машина» в рамках капиталистического общества (общества сверхвласти капитала). Оказался ресурсно необеспеченным, потребовал необеспеченного долгосрочного кредита. Сегодня вытесняется проектом нового пролетариата — многообразием меньшинств, полностью лишённых собственности (в том числе личной).

Стоимость — абстракция вещи, выражаемая в знаковой форме денег.

Страна — государство, народ и территория в их историческом единстве.

Структура — организация составляющих частей системы. Создает целостность системы.

Субъект — метафизика науки, абсолютизация грамматической категории подлежащего (лат. *subjectum*).

Суверенитет — способность общности поддерживать (сохранять) самостоятельное, независимое от воли внешних персон существование и развитие. Является, в частности, неотъемлемым свойством личности.

Схема — знаковая конструкция, равно интерпретируемая как устройство метода или объекта, средство перехода между ними.

Т

Текст — знаковая ткань (текстиль, переплетение).

Теория — знаковая конструкция, связывающая вещи за счёт связи знаков.

Территория — ограниченное, обособленное (тем или иным способом) хозяйственно освоенное пространство.

Тёмные века — эпоха (период) в исторической периодизации западноевропейской истории. Освоение руин западной Римской империи варварскими народами при одновременном прорастании сверхвласти Римской католической церкви. Время, о котором Запад знать ничего не хочет, хотя и следовало бы. Потому и названо «тёмным».

Толерантность (терпимость) — готовность к бесконфликтному сосуществованию с чуждым этносом, культурой, поведением, эстетикой или моралью. В современном западном обществе — вынужденная, в силу общественного порядка.

Тоталитаризм — унификация систем власти и управления, вызванная необходимостью контроля систем массовой деятельности.

Труд — превращение жизни в деятельность.

У

Ум — персона разума.

Университет — организация образования на основании связи наук (областей знания, дисциплин).

Управление — проекция персоной собственной рефлексии и/или присвоение и использование рефлексии иной персоны для осуществления влияния (в том числе скрытого) на неё.

Управляемая демократия — политическая система, управляющая всеобщим голосованием за счёт светской веры в себя и раздробления

большинства на разнородные меньшинства. Принципиальная цивилизационная альтернатива народовластию.

Утопия — 1) форма гипотезы в науках о человеке; 2) средство социального управления в случае принятия гипотезы на веру.

Ф

Факт — объективация прошлого времени.

Феномен — идеальная форма явления.

Феодализм — иерархическая социальная организация ксенократического государства, при которой правители (завоеватели) властвуют над знатью, а знать — над народом.

Франция — несостоявшийся в 1812 году имперский проект. Вовлечение народов в эту империю впервые осуществлялось путём экспорта революции для их изъятия из-под прежней власти.

Х

Хаос — бытие за пределами установленного порядка. Не является беспорядком.

Хозяйство — деятельность по созданию (изменению) человеком условий своего существования, преодоление человеком пределов своей экологической ниши как биологического вида, результат неолитической революции, механизм неограниченного роста человеческой популяции.

Ц

Царь — автократор (самодержец, император, суверен), монарх метро-кратии.

Цель — вещь действия.

Цена — вещь или действие, требуемые в обмен на другие вещь или действие.

Ценности — доктринальное понятие в западной социологии и социальной психологии: наблюдаемые индикаторы блага, некоторые доктрины считают их универсальными.

Цивилизация — самодостаточное (способное к самостоятельному развитию) единство разнородных культур.

Цифра — атом числа.

Цифровой — 1) относящийся к использованию цифр для представления информации и оперирования ею; 2) в современном повседневном обиходе ошибочно употребляется для обозначения информационных технологий вообще.

Цифровая идентичность — след, оставляемый активностью персоны в информационной среде.

Ч

Человек — сотворённый образ Божий, жизнь, ищущая свой источник.

Человеческое — поиск жизнью своего источника.

Честность — этика мышления.

Честь — совокупность моральных качеств, оберегаемых и осознанно культивируемых в себе отдельным человеком сообразно культурным традициям.

Число — знак количества.

Чистый разум — разум, исходящий из себя самого, рефлексия рассудка. Имитация действия, акта воли, практического разума.

Чтение — способность понимания знаковых конструкций (текста).

Ш

Швеция — несостоявшийся в 1709 году имперский проект.

Школа — организация воспитания гражданина.

Шок — верхний предел чувственного восприятия.

Э

Эгоизм — идеология сведения персоны к индивиду.

Элиты — группы, управляющие обществом.

Экология — 1) наука о сосуществовании живых существ; 2) мальтузианская светская вера в животную природу человека.

Экономика — денежное управление хозяйством.

Этика — право личности.

Этническое — единство истории, языка и культуры, определяющее общность, идентичность которой передаётся от предшествующих поколений к последующим (наследуется). Не связано с генетикой членов общности. Может быть связано с особенностями внешнего облика и другими необязательными признаками.

Я

Я — грамматическая категория, объективирующая личное (явление личности), невыразимое (не замещаемое) в лице.

Явление — очевидность («видимость», наблюдаемость, предоставление для восприятия) идеального.

Язык — знаковая форма бытия человека.